
ЭМАНУЭЛЬ СВЕДЕНБОРГ
О НЕБЕСАХ, О МИРЕ ДУХОВ И ОБ АДЕ
АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Эммануил Сведенборг

О небесах, о мире духов и об аде

Серия «Александрийская библиотека»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17039624
О небесах, о мире духов и об аде: Амфора; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-367-00698-8

Аннотация

Книга знаменитого шведского теософа и мистика Эмануэля Сведенборга (1688–1772) – одно из самых ярких произведений мировой визионерской литературы. Она содержит оригинальную концепцию Рая и Ада, а также подробные описания таинственного ангельского мира.

Содержание

Эмануэль Сведенборг
О небесах, о мире духов и об аде

Предисловие[1]

О знаменитом скандинаве, шведе Карле XII, Вольтер написал, что он был самым необыкновенным человеком на земле. Превосходная степень употреблена опрометчиво и связана не столько с личной убежденностью, сколько с досужей и пустопорожней полемикой. Я бы отнес слова Вольтера не к королю Карлу XII, который был всего-то завоевателем, каких много, а к одному из самых загадочных его подданных, Эмануэлю Сведенборгу.

В блестящей лекции 1845 года Эмерсон указал на Сведенборга как на образец мистика. Это наименование, данное исключительно по праву, ненароком может способствовать возникновению образа человека на обочине, человека безотчетно отворачивающегося от нужд и обстоятельств, которые мы – никогда не пойму отчего – называем реальной действительностью. Если кто напрочь на такого человека не похож, так это блистательный и добросовестный Сведенборг, побывавший в этом мире и в ином. Кто еще жил такой полной мерой, кто еще исследовал действительность с такой страстью, с такой интеллектуальной увлеченностью, с такой жаждой в ней разобраться! Кто еще так не походил на монаха, как этот прирожденный скандинав, зашедший много дальше Эйрика Рыжего.

Как Будда, Сведенборг не одобряет аскетизма, который иссушает, а может уничтожить человека. В одном из небесных пределов он увидел отшельника, издавна домогавшегося Рая и в смертной своей жизни всегда жаждавшего уединения и затворничества. И вот, достигнув цели, простак открывает, что не способен ни принять участие в беседах ангелов, ни разобраться в тонкостях устройства райской жизни.

В конце концов ему дозволили вообразить вокруг себя пустыню. Он и сейчас в ней, как это с ним было на земле, молится и умерщвляет плоть, но Рая ему не видать.

Гаспар Сведберг, его отец, был известным лютеранским епископом, в нем сочетались – редкий случай – религиозный пыл и терпимость. Эмануэль родился в Стокгольме в начале 1688 года. С детских лет он верил в Бога и любил разговаривать с часто приходившими к отцу духовными лицами. Знаменательно, что у него спасение верой – краеугольный камень реформы, провозглашенной Лютером, – предваряется спасением делами, веским доказательством таковой. Этот одинокий и незаурядный человек был многими людьми. Он не пренебрегал ремеслами, в Лондоне еще юношей выучился на переплетчика, столяра, часовщика, наладил изготовление линз и научного инструментария. Еще он рисовал карты для глобусов. А кроме того, не надо забывать, он занимался разными естественными науками, алгеброй и новой астрономией Ньютона, с которым хотел поговорить, но знакомство не состоялось. Он был практик-изобретатель. Он предвосхитил небулярную гипотезу Канта—Лапласа, спроектировал летательный, а также подводный аппарат, предназначенный для военных нужд. Ему мы обязаны способом измерения долгот и трактатом о диаметре Луны. Около 1716 года он затеял издавать в Уппсале научный журнал, который красиво назвал «Daedalus hyperboreus»[2] и издавал его двадцать лет. В 1717 году отвращение к занятиям сугубо умозрительного свойства вынудило его отказаться от предложенной королем кафедры астрономии. Во время дерзких, ставших легендарными, войн Карла XII – они превратили Вольтера, автора «Генриады», в эпического поэта – он служил военным инженером. Он разработал и создал приспособление для перемещения кораблей волоком на расстояние более четырнадцати миль. В 1734 году в Саксонии вышли три его тома «Opera philosophica et mineralia».[3] Он писал добротные латинские гекзаметры, и английская литература – Спенсер,

[1] Перевод В. Резник.

[2] «Дедал гиперборейский» (лат.).

[3] «Сочинения философские и минералогические» (лат.).

Шекспир, Коули, Мильтон и Драйден – привлекала его силой воображения. Если бы он не посвятил себя мистике, он стал бы знаменитым ученым. Как Декарт, он хотел найти то место, в котором душа соединяется с телом. Анатомия, физика, алгебра, химия вдохновили его на множество добросовестных трудов, которые он писал, как тогда было принято, на латыни. В Голландии он обратил внимание на твердость в вере и благополучие ее жителей и приписал это тому, что там республика, ведь в королевствах, где народ привычен льстить королю, Богу тоже обычно льстят, а Творцу эта рабская черта нравиться не может. Заметим походя, что когда он путешествовал, то захаживал в школы, университеты, бедняцкие кварталы и на фабрики, был любителем музыки и особенно оперы. Он работал в Департаменте горнорудной промышленности и заседал в Сенате. Догматическому богословию он предпочел Священное Писание. Он не довольствовался латинскими версиями, изучая исходные тексты на еврейском и греческом языках. В дневнике, который он вел, он винит себя в неуемной гордыне и как-то раз, перелистывая в библиотеке одну из стоящих на полке книг, подумал, что без особых стараний мог бы написать лучше, но потом понял, что у Господа тысячи способов дойти до человеческого сердца и что бесполезных книг не бывает. Еще Плиний Младший некогда написал, что в самой скверной книге можно найти что-то хорошее; суждение это припомнил Сервантес.

Главное событие его жизни случилось в Лондоне, апрельской ночью 1745 года. Сам Сведенборг назвал его откровением. Ему предшествовали сны, молитвы, периоды неуверенности и воздержания и, что наиболее характерно, кропотливый научный и философский труд. Какой-то незнакомец молчаливо шел за ним по лондонской улице, как он выглядел, нам неизвестно, потом вдруг зашел к нему в комнату и сказал, что он Бог. Он прямо возложил на него миссию открыть впавшим в грех, неверие и заблуждения людям утраченную Иисусову веру. Он объявил ему, что дух его побывает в Раю и в Аду, сможет поговорить с демонами, ангелами и мертвыми.

Было в то время Избраннику пятьдесят семь лет, и еще в течение тридцати лет он жил жизнью провидца, протоколируя ее в увесистых сочинениях, написанных точно и ясно. В отличие от других мистиков, он чуждался метафор, экзальтации и пустых восторженных преувеличений.

Все просто. Употребление какого-то слова предполагает, что мы уже знаем, что оно означает. Если нам говорят о вкусе кофе, то это потому, что мы его уже пробовали, если речь идет о желтом цвете, это потому, что мы уже знакомы с лимоном, золотом, пшеницей и заходом солнца.

Чтобы побудить человеческую душу к невыразимому слиянию с Божеством, исламские суфии призывали на помощь чудесные аллегории, представления о розе, опьянении и чувственной любви. Сведенборг отверг все эти риторические ухищрения, потому что его интересовал не экстаз вспыхнувшей и воспарившей души, а скрупулезное описание внеземных, но точно локализованных сфер. Для того чтобы мы себе представили или, по крайней мере, начали представлять всю мелочность адских глубин, Мильтон говорит «No light but rather darkness visible».[4] Сведенборг предпочитает точность и – почему бы и не сказать об этом – время от времени впадает в многословие, как географ или исследователь, описывающий неведомые земли.

Продиктовал я эти строки и ощутил глыбой нависшее надо мной недоверие читателя. Два подозрения его питают: а не нарочно ли лгал тот, кто писал эти странные строки, а может быть, он их написал под влиянием внезапного или постепенно надвигающегося безумия? Первое неприемлемо. Если бы Эмануэль Сведенборг вознамерился нас обмануть, зачем ему было публиковать добрую часть своих творений, например двенадцать томов «Небесных

[4] «Свет виден лишь в темноте» (англ.).

тайн», анонимно, поступаясь весомостью, которую ссужает книге известное имя. Известно, что он не стремился обрести приверженцев. Подобно Эмерсону и Уолту Уитмену, он считал, что доводы никого не убеждают, а что для того чтобы быть услышанным, достаточно сказать правду. Полемики он всегда избегал. Во всех его трудах не отыщешь и одного силлогизма, но только невозмутимые и ровные утверждения. Я имею в виду, само собой, его мистические сочинения.

Предположение, что он был безумцем, не более основательно. Если бы редактор «Daedalus hyperboreus» и «Prodomus principiorum rerum naturalium»[5] спятил, ему не удалось бы так скрупулезно отредактировать тысячи страниц научных текстов, труды почти за тридцать лет, в которых нет и тени нездоровья.

А теперь обратимся к тем многочисленным и стройным видениям, которые действительно могут изумить. Уильям Уайт проницательно заметил, что мы охотно доверяем видениям древних и склонны не доверять и потешаться над видениями современников. Мы доверяем пророку Иезекиилю, поскольку отстояние от нас во времени и в пространстве делает его великим, мы верим Сан Хуану де ла Крусу, поскольку без него нет испанской литературы, а вот Уильяму Блейку, непокорному последователю Сведенборга, уже нет, равно как и его стоявшему во времени рядом учителю. Интересно было бы знать год и число, когда достоверные видения сменяются апокрифическими. То же самое говорил о чудесных явлениях Гиббон. Два года отдал Сведенборг изучению древнееврейского только для того, чтобы самому разобраться в Священном Писании. Я-то думаю – и заметьте, что речь идет об инакомыслящем, ученом человеке, а не об историке или богослове, человеке, который, как Спиноза или Фрэнсис Бэкон, являлся самобытным мыслителем, – что ему совершенно ни к чему было стараться сообразовывать свои идеи с Ветхим и Новым Заветами. То же самое случилось с еврейскими каббалистами, совершенными неоплатониками, когда они для оправдания собственных взглядов принялись ссылаться на авторитет библейских стихов, отдельных слов и даже букв.

В мои намерения не входит излагать учение о Новом Иерусалиме – так называется церковь Сведенборга, – но на двух его чертах я хочу остановиться. Во-первых, на оригинальнейшей концепции Рая и Ада. Он ее пространно излагает в самом известном и прекрасном из своих сочинений – «О небесах, о мире духов и об аде», опубликованном в 1758 году в Амстердаме. Ее подхватывает Блейк, и суть концепции выразительно воспроизведена Шоу в третьем акте «Man and Superman»[6] (1903), во сне Джона Теннера. Шоу, насколько мне известно, никогда ничего о Сведенборге не говорил, но стоит отметить, что зато он был под влиянием Блейка, которого часто и уважительно упоминает, и, может быть, это не так уж невероятно, он сам пришел к тем же выводам.

В широкоизвестном письме к Кан Гранде де ла Скала Данте Алигьери замечает, что его «Божественная комедия», как и Священное Писание, может читаться четырьмя различными способами и что буквальное прочтение – всего лишь один из них. И все же у руководствующегося конкретными стихами читателя складывается самоочевидное впечатление, что девяти кругам Ада, девяти террасам Чистилища и девяти небесам Рая соответствуют три учреждения: одно исправительного характера, другое предварительного и третье – да позволят мне такой неологизм – наградительного. Надписи типа «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate»[7] усиливают этот топографический образ, созданный искусством. Нет ничего менее похожего на потусторонние миры Сведенборга. Небо и Ад у него не местность, хотя души мертвых, которые ее населяют и некоторым образом создают, видят себя как бы разме-

---

[5] «Предвестник основ природы» (англ.).

[6] «Человек и сверхчеловек» (англ.).

[7] «Оставь надежду всяк сюда входящий» (ит.). – Данте, «Ад».

щенными в пространстве. Прошлая жизнь предопределяет такой удел. Вход в Рай никому не воспрещен, и никого не отправляют насильно в Ад. Двери, так сказать, остаются открытыми. Те, кто умер, не знают, что они мертвы, им еще некоторое время кажется, что они живут как прежде, в той же обстановке и среди тех же людей. (В Англии народное поверье утверждает, что мы не ведаем о том, что мертвы, пока не взглянем в зеркало, в котором себя не увидим.) Потом, со временем, начинают появляться какие-то незнакомые люди. Если покойник был злодеем, ему налаживают отношения с демонами, и он незамедлительно к ним отправляется; если покойник праведник, он выбирает ангелов. Блаженному праведнику дьявольские пределы предстают болотами, пещерами, горящими лачугами, развалинами, лупанариями, кабаками. У грешников нет лиц, а если есть, то изуродованные и свирепые, но им кажется, что они прекрасны. Власть и ненависть всех ко всем составляют их счастье. Они поглощены политикой в латиноамериканском смысле этого слова, тоесть они живут заговорами, враньем и насилием. Сведенборг рассказывает о том, как однажды луч небесного света проник в адские глубины, но грешники ощутили только зловоние и узрели только мрак, язвы и струпья.

Ад – другой лик Небес. Наличие обратной стороны придает Творению равновесие. Господь там правит, как и на Небесах. Равновесие потребно для того, чтобы был свободный выбор, а выбирать между добром, источаемым Небом, и злом, источаемым Адом, надо непрестанно. Каждый день и всякий миг человек созидает себе спасение или вечную погибель. Мы станем тем, что мы есть. И при этом обычные растерянность, испуг и предсмертная тревога умирающего мало чего стоят.

Верим мы или нет в личное бессмертие, бесспорно, учение Сведенборга более нравственно и разумно, нежели толкующее о некоем таинственном даре, обретаемом в последний миг неведомо как. И оно склоняет к добродетельной жизни.

Несчетное число небес составляют Небо, виденное Сведенборгом, несметное количество ангелов составляют всякое небо, и всякий ангел сам по себе уже есть Небо. Пылкая любовь к Богу и ближнему там главное. У неба (и у небес) та же форма, что и у человека или, и это то же самое, у ангела, потому что ангелы это никакой не другой вид. Ангелы, как и демоны, это мертвые, перешедшие в ангельские или демонические пределы. Любопытное свойство этого четвертого измерения, уже отмеченное Генри Муром: ангелы, где бы они ни были, всегда обращены лицом к Богу. В духовном смысле солнце – зримый образ Бога. Время и пространство иллюзия, и если кто-то о ком-то думает, значит тот, о ком думают, рядом. Ангелы разговаривают, как люди, словами, они их выговаривают и выслушивают, язык же, которым они пользуются, естествен, и его не надо учить. Во всех ангельских пределах он общий. Письменность на Небе тоже известна. Сведенборг неоднократно получал божественные сообщения, походившие на рукописи и печатные издания, хотя ему и не удалось до конца в них разобраться, потому что Богу более угодно отдавать распоряжения устно и непосредственно. Независимо от крещения, независимо от исповедуемой родителями веры, все дети идут в Рай, и там их обучают ангелы. Богатство, роскошь, счастье, мирская жизнь не являются преградами для попадания на Небо, быть бедным, как и неудачником, – не добродетель. Самое главное – добрая воля и любовь к Богу, а не внешние обстоятельства. Мы уже говорили об отшельнике, умерщвлявшем плоть и морившем себя одиночеством и оказавшимся непригодным для Рая, от которого ему пришлось отказаться. В «Трактате о супружеской любви», который появился в 1768 году, Сведенборг говорит, что брак на земле всегда несовершенен, потому что у мужчины главенствует интеллект, а у женщины воля. В Царстве Небесном любящие друг друга мужчина и женщина сливаются в одного ангела.

В Апокалипсисе, одной из канонических книг Нового Завета, Иоанн Богослов говорит о небесном Иерусалиме. Сведенборг переносит его слова на другие большие города. Так,

в «Vera christiana religio»[8] (1771) он пишет о том, что имеются два запредельных Лондона. Люди после смерти не утрачивают своих характеров. У англичан остается их интеллектуальность и уважение к властям, у голландцев – склонность к торговле, немцы продолжают носиться с книгами и, когда их о чем-то спрашивают, прежде чем ответить, лезут в соответствующий том. Но самое любопытное происходит с мусульманами. Поскольку у них в душе религия и Магомет накрепко связаны, Бог посылает им ангела, притворяющегося, что он Магомет, и наставляющего их в вере. Ангел этот не всегда один и тот же. И однажды истинный Магомет возник перед своими последователями и смог выговорить: «Я ваш Магомет», и сразу вслед за тем, почернев, вновь погрузился в преисподнюю.

В духовном мире нет лицемеров, каждый таков, каков есть. Некий злой дух препоручил Сведенборгу написать, что наслаждение демонам доставляют супружеские измены, воровство, мошенничество, ложь и что также они получают удовольствие от вони экскрементов и разложившихся тел. На этом прервусь, любопытный читатель может сам справиться с последней страницей сочинения «Sapientia Angelica de Divina Providentia»[9] (1764).

В отличие от прочих визионеров, у Сведенборга Небо более конкретно, чем земля. Формы, конструкции, предметы, цвета там сложнее и ярче.

По Евангелию, спасение носит этический характер. Самое основное – это быть справедливым, также превозносятся скромные, бедные и несчастные. К справедливости Сведенборг прибавляет еще одно качество, прежде не упоминавшееся никем из богословов: надобность в уме. Напомним снова об аскете, которому пришлось согласиться с тем, что он недостоин принимать участие в ангельских беседах. (На несчетных сведенборгианских небесах царят любовь и богословские рассуждения.) Когда Блейк пишет: «Глупец не войдет в Царствие Небесное, каким бы святым он ни был» или «Отриньте святость и обратитесь к уму», он просто передает в афористической форме пространное рассуждение Сведенборга. К тому же Блейк станет утверждать, что и ума, и праведности тоже мало, и, чтобы спастись, нужно еще одно качество – надо быть художником. Иисус Христос им был, ибо он наставлял, используя художественные приемы, метафоры и параболы, а не теоретизировал.

А теперь я попытаюсь набросать, не очень, впрочем, уверенной рукой и отрывочно, что собой представляет учение о соответствиях, которое многие считают самым главным у Сведенборга. В средние века полагали, что Бог написал две книги: ту, что называется Библией, и ту, что мы называем универсумом. Истолковать их – наша задача. Сведенборг, я думаю, начал с толкования первой. Он предположил, что все слова в Священном Писании имеют духовный смысл, и разработал для них обширную систему скрытых значений. Простые камни, например, обозначают естественные реалии, а драгоценные – истины духовные, звезды – божественное знание, лошадь – правильное понимание Священного Писания, но еще это и софистические увертки, пропасть – Бог или Ад и т. д. (Тех, кто горит желанием продолжить изучение соответствий, отсылаю к «Dictionary of Correspondences»,[10] опубликованному в 1962 году, в котором толкуется более пяти тысяч понятий священных текстов.) От символического прочтения Библии Сведенборг перешел к символическому прочтению Вселенной и нас самих. Солнце Небесных сфер – это духовное солнце, и оно, в свой черед, образ Бога, на земле нет такого существа, которое не находилось бы под непрестанным божественным воздействием. Самые незначительные вещи, напишет Де Куинси, внимательный читатель сочинений Сведенборга, – тайные зеркала вещей значительных. Всемирная история, напишет Карлейль, – это текст, который нам надлежит непрестанно читать и писать и в котором прописаны мы сами. Ошеломляющими догадками, что мы цифры и символы божественной

[8] «Истинная христианская вера» (лат.).

[9] «Ангельская мудрость и Божественное предопределение» (лат.).

[10] «Словарь соответствий» (англ.).

тайнописи, чей истинный смысл нам неведом, полнятся книги Леона Блуа, да и учителя Каббалы об этом тоже знали.

Доктрина соответствий навела меня на мысль о Каббале. Насколько я помню и знаю, до сих пор никто не изучал их внутреннее сродство. В первой главе Священного Писания мы читаем, что Бог сотворил человека по своему образу и подобию. Это утверждение предполагает, стало быть, что у Бога человеческий облик. Учителя Каббалы, составившие в средние века «Книгу Сияния», утверждали, что десять эманаций, или сефирот, чей источник – неизреченная божественность, могут быть восприняты только в виде Дерева, Человека или Первозданного человека Адама Кадмона. Если все вещи в Боге, то они и в человеке, который есть его земное отражение. Так Сведенборг и Каббала приходят к понятию микрокосма или к пониманию человека как зеркала и компендиума вселенной. По Сведенборгу, и Ад, и Небо – в человеке, который также включает в себя планеты, горы, моря, континенты, минералы, деревья, травы, цветы, репейники, животных, рептилий, птиц, рыб, инструментарий, города и дома.

В 1758 году Сведенборг объявил, что год предыдущий был годом Страшного Суда, имевшего место в духовном мире, и что это событие точно совпало по времени со всеобщим упадком веры. И что это падение началось с созданием Римской церкви. Реформа, начатая Лютером и предначертанная Уиклифом, оказалась несовершенной, а в иных случаях и еретической. Другой Страшный Суд случается в миг смерти каждого человека, и решение выносится в зависимости от того, какой была жизнь.

29 марта 1772 года Эмануэль Сведенборг скончался в Лондоне, городе, который он так любил и где однажды ночью Бог возложил на его плечи миссию, сделавшую его человеком уникальным. Кое-какие свидетельства о его последних днях сохранились, старинный костюм из черного бархата и шпага с причудливой рукояткой. Образ жизни он вел стоический, питался молоком, кофе и хлебом. В любом часу дня и ночи слуги слышали, как он расхаживает по комнате, беседуя со своими ангелами.

В тысяча девятьсот семьдесят каком-то году я написал этот сонет:

Заметно возвышаясь над толпою,
Он брел в толпе, чужой между чужими,
И потайное ангельское имя
Шептал. И видел въявь перед собою
Все, что закрыто от земного взгляда:
Круги огня, хрустальные палаты
Всевышнего и ужасы расплаты
В постыдном смерче наслаждений ада.
Он знал: обитель Рая и Геенны —
В душе, в сплетенье темных мифологий,
Знал, словно грек, что каждый день в итоге —
Лишь зеркало Извечности бессменной,
Начала и концы в сухой латыни
Невесть зачем запечатлев доныне.[11]

Х. Л. Борхес

[11] Перевод Б. Дубина.

Введение

1. Господь, беседуя с учениками своими о скончании века, как о последнем времени церкви, под конец предсказаний о последовательных состояниях ее относительно любви и веры говорит: «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» (Мф 24:29, 30, 31). Кто понимает эти слова в их буквальном смысле, тот думает, что все в них сказанное случится, как описано, под конец века, называемый последним судом, что, таким образом, не только солнце и луна померкнут, звезды падут с неба, и на небе явится знамение Господа, и Его самого узрят на облаках, а вместе с ним и ангелов с трубами, но что даже, как местами предсказано в Священном Писании, погибнет весь видимый мир и что после этого будет новое небо и новая земля.

В настоящее время весьма многие в церкви живут в этом убеждении. Но кто так думает, тот не ведает тайн, сокрытых в каждом речении Слова Божия, ибо в каждом его речении есть внутренний смысл, в котором заключается не природное и мирское, как в буквальном смысле, но одно духовное и небесное. И это не только относительно смысла некоторых слов, но даже относительно каждого слова, ибо Слово Божие написано от начала до конца по соответствиям, для той цели, чтобы в каждой частице его был внутренний смысл.

Каков этот смысл, можно видеть из всего, что писано и показано о нем в «Тайнах Небесных», и также из того, что сказано о нем в сочинении «О белом коне Апокалипсиса». В этом же самом смысле надо разуметь сказанное Господом в вышеприведенном изречении о пришествии его на облаках: солнце, которое омрачится, означает Господа относительно любви; луна означает Господа относительно веры; звезды – познания блага и истины или любви и веры; знамение сына человеческого на небесах – появление Божественной истины; колена земныя, которые восплачутся, – все, что относится к истине и благу или к вере и любви; пришествие Господа на облаках небесных с силой и славой – присутствие его самого в Слове и откровение; облака означают буквальный смысл Слова, а слава – внутренний смысл его; ангелы с трубами и гласом велием означают небеса, отколе исходит Божественная истина. Из этого можно видеть, что значат эти слова Господа, а именно: что под конец церкви, когда не станет более любви, а затем и веры, Господь откроет Слово в его внутреннем смысле и объявит тайны небесные.

Тайны, открываемые на следующих страницах, относятся к небесам и аду и к жизни человека после его смерти. Ныне человек церкви едва ли что знает о небесах и об аде и о жизни своей после смерти, хотя обо всем этом писано в Слове. Даже многие принадлежащие к церкви все это отрицают, говоря в себе: кто оттоль приходил и рассказывал? Но чтоб эта наклонность к отрицанию, преимущественно свойственная многоученым мира сего, не заразила и не испортила простых сердцем и простых верой, мне дано было в течение 13 лет быть вместе с ангелами, говорить с ними, как человеку с человеком, и видеть, что происходит на небесах и в аду. В настоящее же время мне дано описать, что я видел и слышал в той надежде, что невежество просветится и неверие уничтожится. Такое непосредственное откровение совершается ныне потому, что оно то самое, которое разумеется под пришествием Господа.

О небесах

Господь есть Бог небес

2. Прежде всего надо знать, кто Бог небес, ибо все остальное от того зависит: во всех небесах не признают другого Бога, кроме одного Господа; там говорят, как Он сам учит, что: «Я и Отец – одно. Отец во Мне и Я в Нем; ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам» (Ин 10:30; 16:13, 14, 15). Я часто говорил об этом с ангелами, и они постоянно отвечали мне, что на небесах они не могут делить Божественное (начало) на три, ибо знают и постигают, что Божественное (начало) одно и что оно едино в Господе. Они также сказали мне, что люди, принадлежащие к церкви и приходящие в тот мир с понятием о трояком Божестве, не могут быть приняты на небеса, потому что мысль их переходит от одного понятия к другому, а там нельзя думать о трех и говорить об одном: всякий на небесах говорит, как мыслит, ибо там речь мысленна или мысль словесна. Вследствие чего те, кои в мире делили Божественное (начало) на три и составили себе о каждом отдельное понятие, не собрав их в одно и не сосредоточив их в Господе, не могут быть приняты. На небесах все мысли взаимно сообщаются, если б кто туда пришел, имея на уме понятие о трех началах, а говорил бы об одном, его бы тотчас разузнали и отвергли. Однако должно знать, что все те, кои не отделяли истину от блага или веру от любви, получают в той жизни, когда их тому научат, небесное понятие о Господе, т. е. что Он – Бог вселенной; не так бывает с теми, кои веру отделяли от жизни, т. е. кои не жили по заповедям истинной веры.

3. Люди церкви, отрицавшие Господа и признававшие одного Отца и в такой вере утвердившиеся, находятся вне небес, а так как на таких людей нет никакого наития с небес, где поклоняются одному Господу, то они постепенно лишаются способности мыслить истину о чем бы то ни было. Они, наконец, делаются точно немые или говорят как безумные, ходят зря, и руки у них висят и качаются, как лишенные силы в сочленениях. Люди, которые отрицали Божественное (начало) Господа и признавали в нем одно только человеческое начало, как социнианцы,[12] одинаково находятся вне небес, они проносятся вперед,[13] немного вправо и спускаются в глубину. Таким образом, они отделены совершенно от прочих христиан. Но люди, говорившие, что верят в Божественное невидимое начало, называя это начало Существом вселенной, коим все сталось, и отбрасывавшие всякую веру в Господа, оказались не верующими ни в какого Бога, потому что невидимое Божественное (начало) есть для них все та же природа в своих первоначалах. Но ни вера, ни любовь не постигают Божественного невидимого (начала), потому что мысль не вмещает этого понятия, такие люди отсылаются к тем, кои называются натуралистами, т. е. естественниками. Не так бывает с теми, которые родились вне церкви и называются язычниками; о них будет говорено впоследствии.

4. Все дети, из коих состоит одна треть небес, приводятся к признанию и вере, что Отец их Господь, и затем, что Он Господь всех, следовательно, Бог небес и земли. Что дети на небесах вырастают и совершенствуются в познаниях до степени разума и мудрости ангельской, это увидится впоследствии.

---

[12] Социнианцы – последователи реформатора Фауста Социниана (1539–1604), отрицавшего догмат о Троице, божественную природу Христа, первородный грех и вместе с тем кальвиновское учение о предопределении. (Примеч. ред.)

[13] См. для пояснения главу о Странах Света на Небесах, § 141 и далее.

5. Что Господь есть Бог небес, в этом люди церкви сомневаться не могут, ибо Он сам учит: «Все предано Мне Отцом Моим» (Мф 11:27; Ин 16:15; 17:2). И далее: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф 28:18). Господь говорит на небеси и на земли, потому что кто управляет небесами, тот управляет и землей, ибо одно зависит от другого. Управлять небесами и землей – значит получать от Господа всякое благо, принадлежащее любви, и всякую истину, принадлежащую вере, таким образом, всякое разумение и всякую мудрость и, следовательно, всякое блаженство, словом: жизнь вечную; этому также учит сам Господь, говоря: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни» (Ин 3:36). И в другом месте: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет; и всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек» (Ин 11:25, 26). И далее: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин 14:6).

6. Были духи, которые, живя в мире, исповедовали Бога Отца, но о Господе думали как о человеке, а потому не верили, чтобы Он же был и Богом небес. По этой причине им было позволено идти во все стороны и искать где хотят, есть ли другие небеса, кроме Господних, но, проискавши в продолжение нескольких дней, нигде их не нашли. Они были из числа тех, которые полагали блаженство небес в славе и господстве, но, не достигнув желаемого и услышав, что небеса в этом не состоят, они пришли в негодование и требовали таких небес, в которых они могли бы господствовать над другими и блистать такой же славой, как в мире.

Божественное (начало) Господа образует небеса

7. Ангелы в совокупности называются небесами, потому что они собой составляют их, не менее того небеса – как вообще, так и в частности – образуются из Божественного (начала), которое, исходя от Господа, наитствует ангелов и приемлется ими. Божественное (начало), исходящее от Господа, есть благо любви и истина веры; поэтому, по мере принятия ангелами от Господа блага и истины, они становятся ангелами и настолько же небесами.

8. Всякий на небесах знает и верит, даже постигает, что он сам собою не может ни хотеть, ни делать блага и что сам по себе никто не может ни мыслить истины, ни веровать в нее, но все это исходит от Божественного (начала) и следов от Господа; равно всякий знает, что благо и истина ангельские не суть по себе благо и истина, потому что в них нет жизни, исходящей от Божественного (начала). Ангелы самых внутренних небес даже постигают это наитие Господне и чувствуют его; насколько они принимают его, настолько им кажется, что они в небесах, потому что они в той же мере находятся в любви и вере и в той же мере во свете разумения и мудрости, и в небесной оттоле радости; так как все это исходит от Божественного (начала) Господа, и небеса для ангелов состоят в этом, то ясно, что небеса образуются Божественным (началом) Господа, а не ангелами из какой-либо соби своей. По этой причине небеса в Слове Божием называются жилищем Господа и также престолом его, а живущие на небесах называются живущими в Господе. Каким образом Божественное (начало) исходит от Господа и наполняет собой небеса, об этом будет сказано впоследствии.

9. Ангелы в премудрости своей идут еще далее. Они говорят, что от Господа исходят не только всякое благо и истина, но даже всякая жизнь. Они подтверждают это следующим рассуждением: ни в чем нет бытия по себе; всякое *бытие* зависит от чего-либо ему предшествующего, следовательно, всякое бытие держится первым началом, которое ангелы называют самой Сутью всякой жизни; таким же образом *существует* и все прочее в мире, ибо *существование* есть непрестанное *бытие*, а то, что не держится промежуточным в непрерывной связи с первым началом, тотчас же распадается и разрушается.

Кроме того, ангелы говорят, что источник жизни только один, а жизнь человека – текущий от него ручей, который, если не будет постоянно питаться от своего источника, тотчас иссякает. От этого Единого источника жизни, который есть Господь, ничто иное не исходит, кроме Божественного блага и Божественной истины, которые каждый человек любит, насколько он принимает их; кто принимает их верой и жизнью, тот живет жизнью небес; но кто отметает или подавляет их, тот меняет их на ад, ибо обращает благо во зло, а истину – в ложь, следовательно, жизнь – в смерть. Что всякая жизнь исходит от Господа, ангелы подтверждают это еще следующим образом: все в мире относится ко благу и к истине. Жизнь воли человека, т. е. жизнь любви его, относится ко благу, а жизнь разума человека, т. е. жизнь веры его, – к истине. Итак, если всякое благо и истина идут свыше, то оттоле же исходит и всякая жизнь. Ангелы, веруя таким образом, отказываются от всякой благодарности за благо, которое они творят. Они даже приходят в негодование и удаляются, если кто приписывает им такое благо; им на диво, как человек может верить, что он мудр сам от себя и что он сам от себя же творит благо. Благо, которое человек творит ради себя самого, не признается ими за благо, ибо это значит делать его от себя; но благо, сделанное ради блага, они называют благом, исходящим от Божественного (начала), и говорят, что это самое благо образует небеса, ибо такое благо есть сам Господь.

10. Некоторые духи, жившие в мире, утвердились в той вере, что благо, которое они делают, и истина, которой они верят, исходят от них самих или присвоены им как собственность: в такой вере живут все те, которые в добрых делах своих видят заслугу и требуют себе за них воздаяния; такие духи не принимаются в небеса. Ангелы бегут от них и смотрят

на них как на безумцев и татей; на безумцев, потому что они беспрестанно видят самих себя, а не Божественное (начало); на татей, потому что они отнимают от Господа то, что ему принадлежит. Эти духи не принимают той небесной веры, что Божественное (начало) Господа, приемлемое ангелами, образует небеса.

11. Что жители небес и сыны церкви живут в Господе и Господь в них, этому учит и сам Господь, говоря:

«Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин 15:4–7).

12. Из этого можно видеть, что Господь, обитая в небесных ангелах, обитает в том, что ему принадлежит, и что, таким образом, Господь есть все во всем небесном по той причине, что благо, исходящее от Господа, есть для ангелов сам Господь, ибо что исходит от него, есть Он Сам; следовательно, небеса для ангелов состоят из блага, исходящего от Господа, а не из какой-либо их соби.

Божественное (начало) Господа на небесах есть любовь к нему и любовь к ближнему

13. Божественное (начало), исходящее от Господа, называется на небесах Божественной истиной по причине, о которой будет сказано впоследствии. Эта Божественная истина, по Божественной любви Господней, наитствует от него на небеса. Божественная любовь и исходящая от нее Божественная истина могут уподобиться солнечному огню и свету от него: любовь подобна солнечному огню, а истина, исходящая от любви, подобна свету, исходящему от солнца; равно и по соответствию огонь означает любовь, а свет – истину, от нее исходящую. Из этого можно видеть, какова Божественная истина, исходящая от Божественной любви Господней: она по естеству своему есть Божественное благо в соединении с Божественной истиной; и в силу этого соединения она живит все, что на небесах, подобно тому, как тепло солнца в соединении со светом вешней и летней порой оплодотворяет всю землю; не то бывает, когда тепло не соединено со светом, т. е. при холодном свете: тогда все цепенеет и замирает. Это Божественное благо, которое было уподоблено теплу, есть в ангелах благо любви, а Божественная истина, уподобленная свету, есть та истина, через которую и от которой исходит благо любви.

14. Любовь потому есть то Божественное начало, из которого состоят небеса, что она есть духовное соединение; она соединяет ангелов с Господом и их самих соединяет взаимно, так что они перед Господом составляют одно целое. К тому же любовь есть для каждого самая суть его жизни: любовью живет ангел, любовью живет и человек. Что самое внутреннее начало жизни в человеке исходит от любви, это при малом размышлении понятно всякому; и точно: человек от присутствия в нем любви воспламеняется, при отсутствии ее он стынет, а лишаясь ее вовсе, умирает. Должно знать, что жизнь каждого человека такова, как и любовь его.

15. На небесах есть два различных рода любви: любовь к Господу и любовь к ближнему; в самых внутренних, или третьих, небесах – любовь к Господу; а во-вторых, или средних, – любовь к ближнему; и та и другая исходят от Господа, и та и другая составляют небеса. Каким образом эти два рода любви между собой различаются и соединяются, это с большей ясностью видно на небесах и только смутно понимается на земле. На небесах любить Господа не значит любить его личность, но любить благо, которое исходит от него, а любить благо – значит хотеть и делать его по любви; любить же ближнего не значит любить его личность, но любить истину, исходящую от Слова, а любить истину – значит хотеть ее и жить по ней: из этого очевидно, что эти оба рода любви различаются как благо от истины и что они соединяются как благо с истиной. Но все это с трудом доступно мысли человека, который не знает, что такое любовь, что благо и что такое ближний.

16. Я иногда говорил об этом с ангелами: они удивляются, что люди церкви не знают, что любить Господа и любить ближнего – значит любить благо и истину и по воле делать то и другое; между тем как люди могли бы знать, что всякий доказывает любовь свою к другому, когда он хочет и делает то, что желает другой, что тогда только он любим взаимно и соединяется с тем, кого любит, а что любить другого и не исполнять его воли не доказывает любви, а напротив, в сущности есть не любовь. К тому же люди могли бы знать, что благо, исходящее от Господа, есть подобие его, ибо он сам в этом благе, и что те люди становятся подобиями Господа и соединяются с ним, которые устраивают себе благо и истину тем, что хотят их и живут в них; хотеть – значит и любить делать. Что все это так, тому учит Господь в Слове, говоря: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Ин 14:21, 23); «Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей» (Ин 15:10, 12).

17. Что любовь есть то Божественное (начало), которое, исходя от Господа, проникает (afficit) ангелов и образует небеса, это там доказывается на опыте, ибо все живущие на небесах суть образы любви и благостыни; они являются в несказанной красоте, и в их лице, в их словах, и в каждой частности их жизни светится любовь. Кроме того, от каждого ангела и от каждого духа исходят и объемлют их духовные сферы жизни, посредством которых узнаются, иногда даже на большом расстоянии, каковы эти духи относительно чувств любви своей; ибо сферы эти истекают от жизни чувства и затем помыслов или от жизни любви и затем веры каждого в них. Сферы, истекающие от ангелов, так полны любви, что они проникают до самого внутреннего начала жизни тех духов, в обществе которых ангелы находятся. Мне случалось иногда ощущать их, и они точно так же проникали и меня. Что ангелы получают жизнь свою от любви, это стало мне ясно также из того, что каждый в той жизни обращается лицом, смотря по любви своей; те, кои живут в любви к Господу и в любви к ближнему, постоянно обращаются к Господу; те же, напротив, которые живут в любви к себе, постоянно обращаются в противоположную от Господа сторону. Это случается постоянно, и каким бы образом они ни обращались телом, ибо в той жизни расстояния отвечают в точности внутреннему состоянию жителей, равно как и страны света, которые там не определены раз навсегда, как на земле, но смотря по обращению лица жителей. Во всяком случае не сами ангелы обращаются к Господу, но Господь обращает к себе тех, которые любят делать все, что исходит от него. Об этом с большей подробностью будет сказано впоследствии, когда будет говориться о странах света в той жизни.

18. Божественное (начало) Господа на небесах есть любовь, потому что любовь есть приемник всего небесного, т. е. мира, разумения, мудрости и блаженства. В самом деле, любовь принимает, желает и ищет все, что ей сродно, питается этим и постоянно хочет обогащаться и совершаться тем, что к ней относится. Это не безызвестно и человеку; ибо любовь в нем, так сказать, рассматривает все, что есть у него в памяти, и то, что тут находит сродного, извлекает, собирает и располагает в себе и около себя; в себе, чтобы оно было ее собственностью, и около себя, чтоб оно служило ей; а все остальное, не сродное ей, она откидывает и изгоняет. Что у любви есть способность принимать сродные ей истины и желание присоединять их к себе, это стало мне ясно чрез духов, вознесенных на небеса, несмотря на то что они в мире были из числа простых, как только они вошли в общество ангелов, они достигли полной ангельской мудрости и блаженства небес; это было дано им за то, что они любили благо и истину ради блага и истины и, усвоив то и другое жизнью, приобрели через это возможность стать приемниками небес и всего, что есть там неизреченного. У тех же, которые живут в любви к себе и к миру, не только вовсе нет способности принимать благо и истину, но они даже им противны и отвергаются ими; так что при первом прикосновении или наитии благ и истин духи эти убегают и приобщаются в аду к тем, которые в одинаковой с ними любви. Некоторые духи сомневались, чтоб небесная любовь была такова, и желали знать, так ли это, и после преодоления препятствий они были приведены в состояние небесной любви и отнесены на некоторое расстояние вперед, к ангельским небесам; они оттуда говорили со мной и сказывали, что испытывали внутреннее блаженство, которого они не могут выразить словами, весьма сожалея, что им предстоит возвратиться в прежнее состояние. Другие были даже вознесены на небеса и, по мере того как уносились внутрь или выше, достигали такого разумения и мудрости, что постигали то, что прежде им было вовсе не понятно. Из всего этого ясно, что любовь, исходящая от Господа, есть приемник небес и всего, что в них есть.

19. Любовь к Господу и любовь к ближнему объемлют собой все божественные истины. Это можно видеть из того, что сам Господь сказал о той и другой любви: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим»: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же, подобная ей: «возлюби ближнего твоего,

как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки (Мф 22:37–40). В законе и пророках все Слово, а следовательно, и всякая Божественная истина.

Небеса разделяются на два царства

20. Так как небеса до бесконечности разнообразны и нет в них ни одного общества, вполне сходного с другим, ни даже одного ангела с другим ангелом, то небеса и разделяются вообще на два царства, а в особенности на трое небес, в частности же на бесчисленные общества; обо всем этом будет сказано подробнее на своем месте. Здесь же общие отделы названы царствами, потому что небеса называются Царством Божьим.

21. Божественное (начало), исходящее от Господа, приемлется ангелами внутрь более или менее; приемлющие его более внутрь называются небесными ангелами, а те, кои приемлют его менее внутрь, называются духовными ангелами; вследствие этого небеса разделяются на два царства, из коих одно называется Царством Небесным, а другое – Царством Духовным.

22. Ангелы, составляющие небесное царство, принимая Божественное от Господа начало более внутрь, называются ангелами внутренними, или высшими; поэтому и небеса, которые они образуют, называются небесами внутренними, или высшими. Ангелы, составляющие духовное царство, принимая Божественное от Господа начало менее внутрь, называются ангелами внешними и также низшими; поэтому и небеса, которые образуются ими, называются небесами внешними, или низшими. Сказано высшими и низшими потому, что они относительно могут быть также названы внутренними и внешними.

23. Любовь ангелов небесного царства называется небесной любовью, а любовь ангелов духовного царства называется духовной любовью: небесная любовь есть любовь к Господу, а духовная любовь есть любовь к ближнему. Так как всякое благо принадлежит любви (ибо любимое считается каждым за благо), то и благо первого царства называется благом небесным, а благо второго царства – благом духовным. Из этого ясно, что эти оба царства различаются между собой как благо любви к Господу и благо любви к ближнему (charitas); а так как благо любви к Господу есть благо внутреннее и эта любовь есть любовь внутренняя, то и небесные ангелы суть ангелы внутренние и называются высшими.

24. Небесное царство называется также Царством Священства Господня, а в Слове – жилищем его; духовное же царство называется Царским Царством его, а в Слове – престолом его. По Божественному небесному (началу) своему Господь назван в мире Иисусом, а по Божественному духовному (началу) – Христом.

25. Ангелы небесного царства Господня в мудрости и славе своей стоят намного выше ангелов духовного царства по той причине, что они более внутрь принимают Божественное (начало) Господа, ибо, пребывая в любви к нему, они к нему ближе и теснее с ним соединены. Небесные ангелы таковы, потому что, будучи в мире, они принимали и теперь принимают Божественные истины немедленно в жизнь, не принимая их, как духовные ангелы, предварительно в память и мысль; вследствие того истины эти начертаны в сердцах их: они постигают и, так сказать, видят их в себе самих, никогда не рассуждая, чтобы убедиться – истина это или нет. У Иеремии они описаны следующим образом: «Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его… И уже не будут учить друг друга, брат – брата и говорить: “познайте Господа”, ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого» (Иер 31:33, 34). У пророка Исаии они названы «наученные Иеговою» (Ис 54:13). Что наученные Иеговою суть те же, кои научены Господом, сам Господь тому учит, у Иоанна (6:45–46).

26. Было сказано, что эти ангелы по премудрости и славе своей намного выше других, потому что они немедля принимали и принимают в жизнь Божественные истины: услышав их, они тотчас же хотят и исполняют их на деле, не перенося их предварительно в память для обсуждения впоследствии, подлинно ли это истины? Такие ангелы тотчас знают, по наитию от Господа, истина ли та истина, которую они слышат, или нет: ибо Господь влияет непо-

средственно на волю человека, а посредством воли – на мысль его; или, что то же, Господь влияет непосредственно на благо, а через него на истину: ибо то называется благом, что принадлежит воле и затем делу, а истиной – что принадлежит памяти и затем мысли. Даже всякая истина обращается во благо и вселяется в любовь, как только она поселяется в волю; но покуда истина в одной памяти и затем в мысли, она не становится благом, не жива и не усвояется человеком, ибо человек есть человек в силу воли своей и согласного с ней разума, а не в силу одного разума своего, отдельно от воли.

27. Вследствие такого различия между ангелами небесного царства и ангелами духовного царства они не живут вместе, и между ними нет сообщения. Они сообщаются только через посредство ангельских обществ, называемых небесно-духовными; через эти общества небесное царство влияет на духовное: вследствие чего происходит, что небеса, хотя и разделяются на два царства, тем не менее составляют одно целое. Господь всегда радеет о таких ангелах-посредниках, через которых совершаются сообщения и соединения.

28. Так как вслед за сим немало будет говорено об ангелах того и другого царства, то подробности здесь опускаются.

О троичности небес

29. Небес трое, и весьма между собой различных, а именно: самые внутренние, или третьи, средние, или вторые, и последние, или первые. Они следуют одни за другими и относятся между собой, как в человеке верхняя, средняя и нижняя часть тела, т. е. голова, туловище и ноги; или как верхний, средний и нижний ярусы дома. В таком же точно порядке исходит и нисходит Божественное от Господа начало, а потому и раздел небес на три части вытекает из необходимости порядка.

30. Внутренние в человеке начала, душе и духу его (animo et menti) принадлежащие, находятся в подобном же порядке: в них также есть самое внутреннее, среднее и последнее; ибо в состав человека при создании его вошли все начала Божественного порядка, так что сам человек стал образом этого порядка, а следовательно, и небес в малом виде. Вот почему человек посредством внутренних начал своих сообщается с небесами и после смерти переходит к ангелам: к ангелам самых внутренних, средних или последних небес по мере принятия им в здешней жизни Божественного блага и истины, исходящих от Господа.

31. Божественное начало, наитием исходящее от Господа и принимаемое в третьих, или самых внутренних, небесах, называется небесным, а затем и ангелы этих небес называются небесными. Божественное начало, истекающее от Господа и приемлемое во вторых, или средних, небесах, называется духовным, а затем и ангелы этих небес называются ангелами духовными; наконец, Божественное начало, наитствующее от Господа и приемлемое в последних, или первых, небесах, называется природным. Так как природное начало этих небес не подобно природному здешнего мира, но заключает в себе и духовное и небесное, то и небеса эти называются духовно-природными и небесно-природными; затем и ангелы этих небес называются духовно-природными и небесно-природными: духовно-природными называются те, кои под наитием средних, или вторых, небес, т. е. духовных, а небесно-природными называются те, кои под наитием самых внутренних, или третьих, небес, т. е. небесных. Хотя ангелы духовно-природные и различны от небесно-природных, но тем не менее они составляют одни небеса, потому что они находятся в одной степени.

32. В каждых небесах есть внутреннее и внешнее: ангелы, живущие во внутреннем, называются ангелами внутренними, а те, кои живут во внешнем, называются ангелами внешними. Внешнее и внутреннее на всех небесах или в каждых из трех небес в том же отношении между собой, как воля и ее разум в человеке: внутреннее отвечает воле, а внешнее – разуму ее. У всякой воли свой разум; одно без другого не бывает: волю можно уподобить пламени, а разум – свету от пламени.

33. Надо знать, что ангелы находятся в одних или других небесах, смотря по своему внутреннему; чем более их внутреннее открыто к Господу, тем они в более внутренних небесах. В каждом ангеле, духе и человеке есть три степени внутреннего (начала); те, в которых открыта третья степень, находятся в самых внутренних небесах; те, в которых открыта вторая или только первая степень, находятся в средних или последних небесах. Внутреннее (начало) открывается через принятие Божественного блага и Божественной истины; кто любит Божественные истины и тотчас приемлет их в жизнь, следовательно, в волю и затем в дело, тот, по мере принятия им блага из любви к истине, находится в самых внутренних, или третьих, небесах; кто не приемлет Божественные истины тотчас в волю, но сперва в память, а потом в разум и затем уже хочет и исполняет их на деле, тот находится в средних, или вторых, небесах; а кто живет нравственно и верит в Божественное начало, не заботясь преимущественно об учености, тот находится в последних, или первых, небесах. Из этого ясно, что небеса образуются различием состояний внутреннего (начала) в человеке и что небеса находятся не вне, а внутри каждого; этому также учит и Господь, говоря: «Не придет

Царствие Божие приметным образом, и не скажут: "вот, оно здесь", или: "вот, там". Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк 17:20, 21).

34. Точно так и всякое совершенство растет к нутру и умаляется к наружи, ибо внутреннее ближе к Божественному и в себе чище, внешнее же более удалено от Божественного и в себе грубее. Ангельское совершенство состоит в разумении, в мудрости, в любви, во всяком благе и затем во блаженстве, но не в блаженстве без разумения, мудрости, любви и блага, потому что без этого блаженство только внешнее, а не внутреннее. Внутреннее в ангелах самых внутренних небес открыто в третьей степени, и потому совершенство их чрезмерно превосходит совершенство ангелов средних небес, коих внутреннее открыто во второй степени; таким же образом совершенство ангелов средних небес чрезмерно превосходит совершенство ангелов последних небес.

35. В силу такого различия ангелу одних небес нет входа к ангелам других небес, т. е. ангел низших небес не может подняться, а ангел высших небес – спуститься. Кто подымается с низших небес, того объемлет беспокойство, доходящее до мучения; он никого не может видеть и еще менее говорить с кем; а кто нисходит с высших небес, тот лишается своей мудрости, говорит несвязно и приходит в отчаяние. Некоторые из живущих в последних небесах, еще не знавши, что небеса находятся внутри ангела, думали, что они достигнут высшего небесного блаженства, если только взойдут в те небеса, где ангелы наслаждаются таким блаженством; им даже позволено было взойти туда, но когда они взошли, то, несмотря на все поиски и на большую толпу присутствовавших ангелов, они никого не могли увидать: внутренние начала пришедших не были открыты в той же степени, как внутренние начала ангелов этих небес, а потому и зрение их было закрыто; вскоре после того сердце их сжалось так, что они едва знали, живы они или нет, и потому тотчас перенеслись оттуда в свои небеса, радуясь, что очутились среди своих, и обещая себе вперед не желать того, что выше подходящего к их жизни. Ятакже видел ангелов, сходивших с высших небес в низшие и лишавшихся своей мудрости до того, что они не узнавали своих небес. Этого не случается, когда сам Господь возносит некоторых ангелов из низших небес в высшие, чтобы они видели славу этих небес, что бывает довольно часто; в таком случае ангелы наперед готовятся, а потом сопровождаются ангелами-посредниками, через которых они сообщаются. Из предшествующего видно, что все трое небес весьма различны между собой.

36. В одних и тех же небесах всякий может быть в сообществе с кем он хочет, но удовольствия от сообщества зависят от сходства блага, в котором кто находится; впрочем, об этом будет говорено в последующих главах.

37. Хотя небеса столь различны между собой, что ангелы одних небес не могут сноситься с ангелами других небес, тем не менее Господь соединяет все небеса в одно наитием непосредственным и посредственным; наитием непосредственным, от него идущим во все небеса, и наитием посредственным от одних небес в другие. Вследствие того все трое небес составляют одно целое, и все существующее в них находится во взаимной связи, от первого до последнего, так что бессвязного нет ничего; что не связано промежуточным с первым, то не может существовать, оно разрушается и уничтожается.

38. Кто не знает Божественного порядка относительно степеней, тот не может понять, каким образом небеса могут различаться между собой, и равно понять, что такое человек внутренний и человек внешний. Большей частью в мире не имеют другого понятия о внутреннем и внешнем или о высшем и низшем, как о чем-то непрерывном или нераздельном, идущем от чистейшего до грубейшего; меж тем как внутреннее с внешним не связно, а раздельно. Степени бывают двоякого рода: сплошные и раздельные (gradus continui et discreti). Сплошные подобны ступеням света от яркого пламени до потемок, или подобны степеням ясности предметов по мере их освещения, или еще подобны степеням чистоты воздуха от низших его слоев до высших: эти степени измеряются расстояниями. Напротив того, сте-

пени не сплошные, а раздельные различны, как начало и конец, как причина и следствие, как производитель и произведение. Всякий наблюдатель увидит, что каждая вещь в мире – как вообще, так и в частности – создается и образуется по этим степеням, т. е. что от одной вещи происходит другая, от другой – третья и т. д. Кто не дойдет до постижения этих степеней, тому никак не понять ни различия одних небес от других, ни различия способностей внутреннего и внешнего человека, ни различия между миром духовным и природным, ни различия между духом человека и телом его, ни уразуметь, что такое и откуда происходят соответствия и преобразования (представительства, representativa), ни что значит наитие. Люди чувственные не понимают сих различий; они даже в этих раздельных степенях видят одно сплошное, и потому, по их понятию, духовное есть не что иное, как природное, только более чистое. По этой причине такие духи стоят снаружи (как бы за порогом) и далеки от разумения.

39. Вдобавок мне позволено об ангелах всех трех небес сказать тайну, которая доселе не приходила на ум никому, за неразумением степеней. Тайна эта состоит в том, что в каждом ангеле и в каждом человеке есть самая внутренняя, или высшая, духовная степень, нечто самое внутреннее и высшее, или, так сказать, тайник, в который прежде всего или ближе всего влияет Божественное, исходящее от Господа начало, которое затем уже, как бы из тайника этого, располагает и все прочие внутренние начала, следующие по степеням порядка как в ангеле, так и в человеке; это внутреннее, высшее, начало, или тайник этот, можно назвать в человеке и ангеле входом Господним и даже Господним в них жилищем. Через это внутреннее, или высшее, начало человек становится человеком и отличается от животных, у которых этого внутреннего начала или тайника нет; вот почему человек, не как прочие животные, может через внутренние начала души и духа своего (mentis et animi) возноситься Господом до него самого, верить в него, проникаться любовью к нему и через это видеть его; благодаря этому человек может стать приемником разумения и мудрости, говорить по рассудку и, наконец, жить в вечности. Однако ни один ангел не может ясно постичь, что именно провидением Господним творится в тайнике его, ибо это выше всех понятий и премудрости ангелов.

40. Все это было сказано о всех трех небесах вообще; вслед же за этим будет говорено о каждых небесах в особенности.

Небеса состоят из бесчисленных обществ

41. Ангелы каждых небес не живут все в одном месте, но делятся на малые и большие общества, смотря по различию блага любви и веры каждого из них; сходные между собой по благу образуют одно общество. Благо на небесах разнообразно до бесконечности, и каждый ангел таков, каково его благо.

42. Ангельские общества на небесах находятся даже на некотором расстоянии друг от друга, смотря по различию своего блага вообще и в частности. Расстояния в духовном мире происходят ни от чего другого, как от различия состояний внутреннего (начала); следовательно, расстояния на небесах зависят ни от чего иного, как от различия состояний любви. Духи, которые в этом отношении весьма различны между собой, находятся на большем расстоянии друг от друга; те же, напротив, которые мало между собой различны, находятся на меньшем расстоянии; но те, коих состояния любви совершенно сходны, живут вместе.

43. Равно различны между собой и все члены одного и того же общества: ангелы более совершенные, т. е. превосходящие других благом и затем любовью, мудростью и разумением, находятся в середине; а менее совершенные – вокруг них, на таком расстоянии, насколько уступают первым в совершенстве. В этом отношении они могут быть уподоблены свету, который убывает от середины к окружности; кто находится в середине, тот в наибольшем свете, а кто ближе к окружности, тот и в свете постепенно убывающем.

44. Ангелы как бы сами собой влекутся к подобным себе; с ними они как со своими и как дома, с другими же они как с чужими и как не у себя; в сообществе себе подобных они чувствуют себя свободными и затем находятся в полном удовольствии жизни.

45. Из этого видно, что всех живущих на небесах сближает благо и что ангелы различаются между собой по качеству его. Не сами ангелы, однако, сближаются таким образом, но сближает их Господь, от коего исходит благо: Он сам ведет их, соединяет их и распределяет, даруя каждому свободу по мере блага его; таким образом, он каждому дает жить по своей любви, вере, разумению и мудрости и, следовательно, во блаженстве.

46. Все ангелы, живущие в сходственном благе, знают друг друга точно так, как люди здешнего мира знают своих родителей, родственников и друзей; даже знают друг друга, никогда прежде не видавшись; это происходит оттого, что в той жизни нет другого родства, сближения и дружбы, кроме духовного, принадлежащего любви и вере. Несколько раз мне дано было видеть это, когда я был в духе, т. е. отрешен от тела, и, таким образом, в сообществе ангелов; тогда иных я видел как бы знакомых мне с детства, другие же казались мне вовсе чужими: первые находились в подобном со мной состоянии духа, а вторые – в различном.

47. Все, составляющие одно ангельское общество, вообще походят друг на друга лицом, но в частности не походят. Это общее сходство лиц и разнообразие их в частности может быть несколько понятно из того, что бывает на земле; известно, что у каждого народа есть в лице и глазах какое-то общее сходство, по которому он узнается и отличается от других; еще более бывает это сходство у одного семейства с другим; но с гораздо бóльшим совершенством бывает оно на небесах, где все внутренние чувства выражаются и просвечивают на лице: лицо на небесах есть внешнее изображение этих чувств; там нельзя иметь лицо, не сходное с чувствами своими. Мне было даже показано, как общее сходство разнообразно в частностях каждого лица, принадлежащего одному обществу: передо мной являлось как бы ангельское лицо, которое в чертах своих разнообразно изменялось, согласно чувствам блага и истины у ангелов одного общества; эти изменения продолжались долго, но я замечал, что одно выражение лица оставалось общим основанием, а все прочие выходили и слагались из него же. Таким же образом и через это же лицо мне были показаны чувства

целого общества, согласно коим видоизменяется лицо каждого из членов его; ибо, как сказано выше, лицо каждого ангела есть образ его внутренних начал, следовательно, и образ чувств, принадлежащих его любви и вере.

48. Вследствие того же происходит, что ангел высшей мудрости тотчас видит по лицу, каков другой ангел; на небесах никто не может скрыть на лице, каков он внутри, или притворяться; точно так же невозможно там лгать или обманывать хитростью и лицемерием. Случается иногда, что в ангельские общества вкрадываются лицемеры, которые привыкли искусно скрывать свое внутреннее и принимать внешность или образ того блага, в котором живут эти общества, и таким образом подражать ангелам света; но они не могут тут долго оставаться: они вскоре начинают чувствовать внутреннюю тоску, мучаются, бледнеют и как бы задыхаются. Такая перемена совершается в них вследствие влияния и действия на них противоположной жизни; поэтому они немедля кидаются обратно в ад, ко своим, и не пытаются более подыматься на небеса: такого-то рода духи разумеются под именем человека, который среди званых на пир и возлежащих был найден одетым не в брачное платье и ввергнут во тьму кромешную. (Мф 22:11 и далее).

49. Все небесные общества сообщаются между собой, но не прямым путем, т. е. не многие ангелы выходят из своего общества в другое, ибо выйти из своего общества – значит как бы выйти из себя или своей жизни и перейти в другую, не столь подходящую; но все общества сообщаются между собой через распространение сферы, которая исходит от жизни каждого: сфера жизни есть сфера чувств любви и веры. Сфера эта распространяется вокруг обществ в длину и ширину, и тем более в длину и ширину, чем чувства ангельские более внутренни и совершенны. Распространение это соразмерно с разумением и мудростью ангелов: сфера находящихся в самых внутренних небесах и в середине их распространяется во все небеса; таким образом, все небесные жители сообщаются с каждым и каждый со всеми. Но об этом распространении сфер будет говорено с большей подробностью ниже, в главе о небесном образе, согласно которому расположены ангельские общества, и также в главе о мудрости и разумении ангелов, ибо всякое распространение чувств и мыслей совершается по этому образу.

50. Выше было сказано, что на небесах есть большие и малые общества: большие состоят из мириад ангелов, малые – из нескольких сотен тысяч, а меньшие – из нескольких сотен. Есть также ангелы, живущие уединенно, немногими семьями или домами; хотя они и живут порознь, но они расположены в том же порядке, как и самые общества, т. е. мудрейшие из них находятся в середине, а самые простые – на границах; живущие таким образом находятся под ближайшим наблюдением Господа и суть лучшие из ангелов.

Каждое общество образует небеса в малом виде, а каждый ангел – в меньшем

51. Каждое общество образует небеса в малом виде, а каждый ангел в меньшем потому именно, что благо любви и веры образует небеса и что это благо присуще каждому небесному обществу и каждому ангелу такого общества; хотя это благо всюду различно и разнообразно, тем не менее это одно и то же небесное благо: вся разница только в различии самих небес. Оттого и говорится про вознесшегося в какое-либо небесное общество, что он на небесах, равно и о тех, которые уже там, что они в небесах и каждый в своих; это ведомо всем жителям того мира; поэтому те, кои стоят вне небес или под ними и смотрят издали на жилища ангельских обществ, также говорят: вот небеса тут и там. Это можно сравнить с начальниками, должностными лицами и служителями при царском дворце; хотя они живут порознь, каждый в своем жилье или в своей горнице, иной наверху, другой внизу, тем не менее они в одном и том же дворце и при одном дворе, каждый при своей должности и на службе царской. Из этого ясно, что́ разумеется в словах Господа: «В доме Отца Моего обителей много» (Ин 14:2), и у пророков под словами: жилища небес и небеса небес.

52. Что каждое общество образует небеса в малом виде, я мог видеть это из того, что небесный образ каждого общества подобен образу всех небес: посредине каждых небес, как было сказано выше в н. 43, обретаются ангелы более совершенные, а вокруг них до самых пределов, в постепенном порядке менее совершенные. Я мог убедиться в этом также из того, что Господь не только всех живущих на небесах, но точно так же и всех членов каждого общества ведет как одного человека; вследствие этого целое ангельское общество является иногда как одно лицо, в образе ангела, что и дано мне было Господом видеть. Равно и Господь среди ангелов не является окруженный сонмами их, но один в образе ангела: вот почему Господь и целые общества названы в Слове ангелом; ибо Михаил, Гавриил, Рафаил суть не что иное, как ангельские общества, коим даны эти имена по их должностям.

53. Как целое общество составляет по себе небеса в малом виде, точно так же и каждый ангел составляет их в самом малом. Небеса не вне ангела, а внутри его; внутреннее в каждом ангеле, духу его принадлежащее, начало расположено в нем по образу небес, для принятия всего небесного, находящегося вне его; и ангел принимает это небесное по качеству блага, находящегося в нем от Господа: вот почему и каждый ангел по себе образует небеса.

54. Никак нельзя сказать о ком-нибудь, что небеса находятся вне его, но должно сказать, что они внутри его, ибо каждый ангел принимает небеса, которые вне его, по тем небесам, которые внутри его. Из этого ясно, насколько ошибается тот, кто думает, что ему только стоит перенестись в среду ангелов, чтобы войти в небеса, какова бы ни была его внутренняя жизнь, и что посему небесная жизнь даруется каждому по непосредственному милосердию Господа – тогда как ничего небесного, находящегося вне человека, не может влиять на него и не принимается им, если внутри его самого нет небес. Многие духи, державшиеся первого убеждения, были вследствие такой веры перенесены в небеса; но так как их внутренняя жизнь была противоположна ангельской, то разум их начал до того помрачаться, что они делались как бы полоумными, а воля их до того стала мучиться, что они как бы впадали в исступление; словом, когда жившие дурно покушаются взойти в небеса, то они задыхаются и мучаются там подобно рыбе, вынутой из воды и оставленной на воздухе, или подобно животным под колоколом насоса в безвоздушном эфире. Из этого ясно, что небеса находятся внутри каждого (человека), а не вне его!

55. Так как все ангелы принимают небеса, находящиеся вне их, по качеству небес, находящихся внутри их, то подобным же образом они принимают и Господа, потому что Божественное (начало) Господа образует небеса. Вот почему когда Господь является какому-

нибудь обществу, то его видят по качеству блага этого общества, т. е. не везде одинаково; не потому, чтобы эта разность была в Господе, но потому, что она в тех, которые видят его по качеству своего блага; даже самый вид Господа проникает их по качеству любви их к нему: любящие Господа от всего сердца проникнуты им до самой глубины души, а кто любит его менее, тот и менее проникнут им; для злых же, находящихся вне небес, присутствие Господа есть мучение. Господь, являясь какому-либо обществу, представляется ему в образе ангела, но тотчас отличается от других по Божественному свету, исходящему от него.

56. Небеса находятся везде, где признают Господа, где верят в него и любят его; разнообразие поклонения ему и разнообразие блага в том и другом обществе не предосудительно, а полезно, потому что из этого разнообразия слагается совершенство небес. Трудно объяснить это, не прибегнув к принятым и обычным в науке выражениям, которыми толкуют, каким образом совершенство единицы образуется из разнообразия частей: всякая единица, говорит наука, состоит из разных частей, ибо единица, в которой их нет, сама ничто, не имеет формы, следовательно, не имеет качества; но когда единица состоит из различных частей и когда эти части составляют образ совершенный, в котором каждая из них дружно и стройно присоединяется к другой, тогда единица по качеству своему совершенна.

Таким же образом и небеса составляют единицу, состоящую из разнообразных частей, расположенных в совершеннейшем образе; ибо небесный образ (форма) есть совершеннейший из всех образов. Что в этом состоит всякое совершенство, это ясно видно по всему прекрасному и приятному, что поражает одинаково и внешние чувства, и дух; ибо все прекрасное существует и происходит не от чего иного, как от сочетания различных стройно составленных и согласованных частей, расположенных в совокупном (совместном) или последовательном порядке: никогда это качество прекрасного не принадлежит единице, не разнообразной в своих частях. На этом основании говорят, что разнообразие приятно, и известно, что от качества этого разнообразия зависит и его приятность. Из всего этого видно, каким образом совершенство, даже небесное, происходит от разнообразия частей, ибо из того, что существует в мире природном, можно, как бы в зеркале, видеть то, что существует в мире духовном.

57. Сказанное выше о небесах может быть одинаково сказано и о церкви, ибо церковь есть небеса Господни на земле. Церквей несколько, и, несмотря на то, каждая из них называется церковью, и подлинно есть церковь настолько, насколько благо любви и веры царствуют в ней: Господь и тут из различных частей составляет одно целое, т. е. одну церковь из нескольких. О каждом человеке церкви можно сказать в частности то же, что о церкви вообще, а именно, что церковь внутри человека, а не вне его и что каждый человек, в коем Господь присущ во благе любви и веры, есть также церковь. Об ангеле, в коем находятся небеса, можно сказать то же самое, что и о человеке, внутри коего церковь: т. е. как ангел по себе образует небеса в малом виде, так и человек образует в малом виде церковь; более того, тот человек, внутри которого церковь образует собой такие же небеса, как и ангел, ибо человек создан для того, чтобы идти в небеса и быть ангелом; вот почему всякий, приемлющий благо от Господа, есть человек-ангел.

Кстати, должно сказать, что́ одинаково свойственно человеку и ангелу и что сверх того свойственно одному только человеку: человеку и ангелу одинаково свойственно то, что внутреннее их начало сотворено по образу небес и что тот и другой становится образом небес, насколько они живут во благе любви и веры. Сверх этого только одному человеку свойственно, что его внешнее сотворено по образу мира и что насколько он живет во благе, настолько мирское в нем подчинено небесам и служит им, и что тогда Господь присущ во внутреннем и внешнем его человеке, как бы во своих небесах; в том и другом Господь находится в своем Божественном порядке, потому что Бог есть самый порядок.

58. Наконец должно сказать, что небеса находятся внутри кого-либо не только в его общих или главных частях, но даже в малейших и мельчайших, потому что малейшая часть в нем изображает в себе и наибольшую. Это происходит оттого, что каждый человек есть олицетворение своей любви и таков, как царствующая в нем любовь: ибо господствующее начало влияет на все малейшие частицы, устраивает их и всюду вводит свое подобие. Царствующая любовь на небесах есть любовь к Господу, он там любим выше всего, а потому Господь на небесах и есть все во всем. Он наитствует на всех ангелов вообще и на каждого в особенности, устрояет их, облекает их в свое подобие и присутствием своим образует небеса; вот почему каждый ангел образует небеса в малом виде, общество – в большом, а все общества вместе – в наибольшем.

Все небеса в совокупности изображают как бы одного человека

59. Эта тайна еще не ведома в мире, но она весьма известна на небесах; знание этой тайны, со всеми частностями и подробностями, относящимися к ней, есть главный предмет ангельского разумения; от этого знания зависит и многое другое, что без познания самой тайны, как общего начала, не могло бы отчетливо и ясно входить в ангельские понятия. Зная, что все небеса, вместе с обществами, изображают как бы одного человека, они называют небеса «Большим, или Божественным, Человеком». Божественным потому, что Божественное начало Господа образует собой небеса. См. выше, §§ 7—12.

60. Люди без верного понятия о духовных и небесных предметах не могут постичь, чтоб духовное и небесное могло быть устроено и соединено в образе и подобии человека; они думают, что земное и вещественное, составляющее последнее в человеке, составляет и его самого и что без этого человек не есть человек; но да будет им ведомо, что человек становится человеком не в силу земных и вещественных начал, из коих сложилось тело его, но в силу того, что он может разуметь истину и хотеть благо: это последнее и есть то духовное и небесное, что действительно составляет человека. Всякому известно, что человек таков, каковы его разум и воля; но сверх того человек мог бы знать, что земное тело его сотворено для земной службы разуму и воле и для отправления, согласно их требованиям, службы в последней сфере природы; по этому самому тело нисколько не действует само по себе, но вполне повинуется разуму и воле; и до такой степени, что всякую мысль свою человек выражает языком и устами, а все, что желает волею, исполняет телом и членами; таким образом, все делается телом по разуму и воле, а само тело по себе ничего не делает. Из этого ясно, что начала разума и воли составляют человека и что, действуя на самые малейшие частицы тела, как внутреннее на внешнее, они во образе своем подобны человеку, который посему и называется внутренним, или духовным; такого именно человека, в наибольшем и совершеннейшем виде, изображают небеса.

61. При таком понятии о человеке ангелы никогда не обращают внимания на то, что он делает телесно, но смотрят на волю, по которой действует тело; эту волю они называют самим человеком; также и разум его, когда он с волей составляет одно целое.

62. Ангелы, однако, не видят всех небес вместе в образе одного человека, потому что ни один ангел не может объять взглядом всех небес; но в этом образе они видят иногда целые общества, находящиеся вдали от них и состоящие из нескольких тысяч ангелов; по одному обществу, как части, они заключают и о целом, т. е. и о всех небесах; ибо в совершеннейшем образе целое отвечает части, а часть целому: одно различие в величине. Посему ангелы и говорят, что Господь видит все небеса в том образе, в котором им видно только одно общество, ибо Божество из глубины тайника своего (ex intimo) объемлет и видит все.

63. Вследствие такого человеческого образа небес Господь и управляет ими как одним человеком или единицей; известно, что хотя человек состоит из несчетно разнообразных частей, как в целом, так и в отдельности (в целом – из членов, органов и черев (viscera), а в отдельности – из волокон, нервов и кровеносных сосудов, следовательно, из членов внутри членов и из частиц внутри частей), но тем не менее он действует как один человек: таковы и небеса под управлением и усмотрением Господа.

64. Несмотря на такое разнообразие частей, человек потому составляет одно целое, что в нем нет ни одной частицы, которая бы не содействовала целому и не отправляла службы; целое служит для частей своих, и части служат для целого, ибо целое состоит из частей, и части составляют целое; вследствие этого одна часть радеет о другой, соблюдает ее и, взаимно соединяясь, принимает такой образ, что они все вместе, как вообще, так и в частно-

сти, содействуют целому и благу его: таким образом, они действуют как единица. Таким же образом и общества на небесах соединяются в одно целое, смотря по отправлению каждым из них службы своей; не отправляющие никакой службы для целого отстраняются как разнородные части: отправляют службу – значит хотят блага, а не отправлять службы – значит хотеть другим блага не ради общего блага, а ради себя самого и при этом более всего любить себя, а в первом случае – более всего любить Господа. Таким-то образом все живущие на небесах составляют как одно целое; не сами по себе, однако, но по Господу: на него они взирают как на Единого, от которого исходит все, а на царство его – как на общину, о которой должно пещись; это самое разумеется в словах Господа: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф 6:33). Искать правды его – значит искать блага его. Любящие в этом мире благо отечества более своего и благо ближнего, как свое, в той жизни любят и ищут царство Господне, ибо там царство Господне им заместо отечества; а любящие творить благо другим не ради себя, но ради блага любят там ближнего, ибо для них благо есть ближний: все такие люди находятся в большом человеке, т. е. на небесах.

65. Так как все небеса не только изображают одного человека, но, можно сказать, и составляют божественно-духовного человека в наибольшем образе, даже по виду, то небеса и различаются, подобно человеку, на члены и части, которые и одинаково именуются; ангелы знают, в каком члене находится то или другое общество, и говорят: такое-то общество находится в такой-то части или области головы, другое – в такой-то части или области груди, а третье – в такой-то части или области чресл и т. д. Вообще, высшие, или третьи, небеса составляют голову до шеи; средние, или вторые, небеса – грудь и туловище до колен; а последние, или первые, – ноги от колен до подошв и руки от плеч до пальцев, ибо руки с пальцами, хотя они и с боков тела, но составляют последнее в человеке. Из этого еще раз видно, почему трое небес.

66. Духи, находящиеся под небесами, весьма дивятся слышать и видеть, что есть небеса над ними и под ними: духи эти думают и верят, как люди в мире, что небеса только наверху; они не знают, что расположение небес подобно расположению членов, органов и черев (viscera) в человеке, из коих некоторые лежат выше, другие ниже, и так же подобно расположению частей в каждом члене, органе и череве, из коих некоторые снаружи, а другие внутри. Вот откуда происходит и сбивчивость понятий этих духов о небесах.

67. Эти подробности о небесах, как о большом человеке, потому приведены здесь, что без предварительного познания их никак нельзя было бы понять то, что будет сказано ниже о небесах, ни составить себе ясного понятия о небесном образе (форме), о соединении Господа с небесами, о соединении небес с человеком, о влиянии духовного мира на природный, и вовсе никакого о соответствиях; а так как о всем этом будет говорено по порядку ниже, то все предшествующее и было сказано для ясности последующего.

Каждое общество на небесах изображает человека

68. Что каждое общество на небесах изображает человека и так же подобно ему по образу своему, мне несколько раз дано было видеть это. В одно общество вкралось несколько духов, которые сумели показаться ангелами света; это были лицемеры; по мере того как они отделялись от ангелов, я видел, как все общество сперва казалось чем-то темным, как затем оно постепенно принимало человеческий, еще не ясный, образ и как наконец в полном свете стало подобным человеку. Все, бывшие во благе сего общества, находились в этом человеке и составляли его; прочие же, не находившиеся в нем и не составлявшие его, были лицемеры; последние были откинуты, а первые оставлены; таким образом совершилось разделение. Лицемерами называются те, которые говорят и действуют хорошо, но которые во всем видят только самих себя; они одинаково с ангелами говорят о Господе, о небесах, о любви, о жизни небесной и одинаково с ними поступают хорошо, чтобы показаться на деле такими же, как и на словах; но думают они иначе: ни во что не верят, никому не хотят блага, кроме себя, добро делают только для самих себя, а если и для других, но только напоказ и, следовательно, тоже для себя.

69. Мне дано было видеть и то, как целое общество в присутствии Господа является единицей в человеческом образе. На высоте, к востоку, появилось что-то вроде облачка, цвета, переходящего от белого к алому, со звездочками вокруг; оно опускалось, постепенно становилось светлее и наконец явилось мне в совершенном человеческом образе; звездочки вокруг облачка были ангелы, которые казались звездами по свету, исходящему от Господа.

70. Надо знать, что хотя всякое общество, когда оно в сборе, является одним лицом в образе человека, тем не менее ни одно общество в человеческом образе своем не подобно другому обществу; они различаются между собой, как лица одной семьи; причина сему та же, что была изложена выше, в § 47, т. е. что общества различаются между собой по разнообразию блага, в котором они живут и от которого зависит их видимый образ: в совершеннейшем и прекраснейшем человеческом образе являются общества, находящиеся в самых внутренних, или высших, небесах и в центре этих небес.

71. Достойно замечания, что чем более ангелов составляют одно небесное общество и образуют одно целое, тем совершеннее человеческий образ этого общества: как было сказано выше, в § 56, разнообразие, устроенное по небесному образу, производит совершенство, а где более ангелов, там и более разнообразия. Каждое небесное общество ежедневно растет в числе своем и вместе с этим становится совершеннее; вследствие этого совершенствуется не только одно общество, но и все небеса, ибо они все состоят из различных обществ. Если же небеса совершенствуются с приращением числа своих жителей, то из этого видно, сколь ошибаются те, кои полагают, что небеса от полноты своей замкнутся; напротив, чем они будут полнее, тем они будут совершеннее; а потому и ангелы ничего не желают более, как принимать к себе новоприбывших ангелов.

72. Каждое общество, являясь в сборе своем единицей, потому принимает человеческий образ, что это, как было сказано выше, свойственно и целым небесам; в совершеннейшем образе, каков образ небес, части подобны целому, а малейшие – самым большим; а эти-то частицы и части суть не что иное, как общества, из которых состоят небеса; что эти общества такие же небеса в малом виде, см. §§ 51–58. Такое постоянное сходство основано на том, что на небесах благо каждого исходит из единой любви и, следовательно, из одного источника; эта единая любовь, от которой исходит всякое благо на небесах, есть любовь к Господу, исходящая от него самого; вот почему все небеса, как одно целое, составляют его подобие в общем виде, каждое общество – в меньшем, а каждый ангел – в частности.

Внешний образ каждого ангела есть совершенно человеческий

73. В двух предшествующих главах было показано, что небеса в совокупности своей изображают человека, равно как и каждое небесное общество в отдельности; по вышеизложенным причинам следует то же самое заключить и о каждом ангеле. Как небеса составляют человека в наибольшем образе и каждое небесное общество в меньшем, так и каждый ангел в наименьшем; ибо в образе, столь совершенном, каков образ небес, целое подобно части, а часть подобна целому; это происходит оттого, что небеса образуют общину, которая сообщает каждому все небесное и каждого наделяет всем тем, что в нем есть. Становясь таким образом приемником, ангел становится и небесами в малом виде. Точно так и человек: насколько он приемлет в себя небеса, настолько он становится таким приемником, затем небесами и ангелом; см. выше, § 37. Это самое сказано в Откровении следующим образом: «И стену его (святого Иерусалима) измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела» (Отк 21:17). Иерусалим здесь означает церковь Господню, а в высшем смысле – небеса; стена обозначает истину, охраняющую от нападений лжи и зла; число 144 означает все блага и истины в совокупности; мера означает качество; человек означает того, в котором все эти блага и истины находятся вообще и в частности, следовательно, того, в ком находятся небеса; а как ангел, в силу принятия им этих благ и истины, есть также человек, то и сказано: «мера человека какова есть и ангела» (Отк 21:17). Вот внутренний смысл этих слов, без которого никто не мог бы понять, что стена Святого Иерусалима есть мера человека, т. е. ангела.

74. Теперь обратимся к опыту. Что ангелы имеют человеческий образ, т. е. что они такие же люди, это я видел до тысячи раз: я разговаривал с ними как человек с человеком, иногда с одним, иногда со многими вместе, и никогда я не видал, чтобы внешний образ их чем-нибудь разнился от человеческого; иногда я дивился этому; но чтобы это не было приписано обману чувств или воображению, мне дано было видеть их наяву, при полном сознании чувств и в состоянии ясного постижения. Я часто рассказывал им, как люди в христианском мире по слепому невежеству своему думают, что ангел или дух есть один ум (mens, дух) без образа, или одна только мысль, или, наконец, нечто эфирное, одаренное началом жизни; таким образом, не оставляя духу ничего человеческого, кроме способности мышления, люди думают, что дух не видит за неимением глаз, не слышит за неимением ушей и не говорит за неимением языка и рта.

На это ангелы отвечали мне, что они знают о существовании такого понятия у многих в мире, о преобладании его в особенности в ученом сословии и также, к удивлению их, в духовенстве; они даже поясняли это тем, что ученые, находящиеся во главе прочих и первые подающие такое понятие об ангелах и духах, судят о них по чувственному началу внешнего человека; а кто мыслит на основании этого начала, а не по внутреннему свету и общему понятию, врожденному каждому человеку, тот не может мыслить иначе, потому что чувственное начало внешнего человека понимает одно только природное, а не то, что выше его, и, следовательно, не может иметь никакого понятия о духовном мире. От этих вождей и наставников ложное понятие об ангелах перешло и к тем, которые мыслили не своим разумом, но чужим; а кто берет свои мысли у другого, сперва убеждается в них и уже после того разбирает их своим разумом, тот трудно отстает от своих понятий и, утвердившись в них, большей частью успокаивается.

Далее ангелы сказали мне, что у людей, простых сердцем и верой, нет такого понятия об ангелах, но что они думают о них как о небесных людях, потому что они ученостью своей не потушили врожденного им свыше понятия и не могут себе представить чего-нибудь

без образа; поэтому ангелы во храмах, на картинах или в статуях никогда не изображаются иначе, как людьми. Об этой способности постижения, врожденной свыше, ангелы сказали мне, что это есть то самое Божественное (начало), которое наитствует на тех, коих вера и жизнь во благе.

75. По всему, что мне дано было изведать на опыте в продолжение нескольких лет, я могу утвердительно сказать, что ангелы по внешнему образу своему такие же люди, как мы; что у них есть лицо, глаза, уши, грудь, руки, пальцы, ноги; что они друг друга видят, слышат и говорят между собой; словом, у них есть все, что принадлежит человеку, кроме вещественного тела. Я видел их в свете, который много превосходит полуденный свет здешнего мира, и в этом свете я различал все черты лица их гораздо отчетливее и яснее, чем лица людей на земле. Мне также дано было видеть ангела самых внутренних небес: лицо его блестело и сияло более, чем у ангелов низших небес; я рассмотрел его и могу сказать, что он был в совершеннейшем человеческом образе.

76. Однако должно знать, что человек не может видеть ангелов глазами плоти, но глазами духа, который внутри человека, потому что дух его принадлежит духовному миру, а все телесное – природному; подобное видит только подобное, потому что оно состоит из подобного ему начала. К тому же орудие телесного зрения, т. е. глаз, так груб, что, как известно каждому, онне может рассмотреть малейших произведений природы без пособия оптических снарядов; еще менее может он видеть то, что выходит из области внешней природы, т. е. все, принадлежащее духовному миру. Тем не менее человек может прозреть в духовный мир, когда он отрешается от зрения телесного и ему открывается зрение духовное; если угодно Господу, это совершается в одно мгновение, и тогда человек вполне уверен, что он видит глазами тела. Таким образом ангелы были узрены Авраамом, Лотом, Маноахом и пророками; подобным образом Господь, по воскресении своем, был узнан учениками своими; и, наконец, таким же образом я сам видел ангелов. Пророки, обладая такого рода зрением, были названы: «прозорливцами», и людьми, коих очеса отверзты (1 Цар 9:9). «Дать узреть», таким образом, выражалось словами: «отверзать очи», что и было сделано с отроком Елисея, как видно из следующего: «И молился Елисей, и говорил: Господи! открой ему глаза, чтоб он увидел. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея…» (4 Цар 6:17).

77. Добрые духи, с которыми я говорил об этом предмете, соболезновали сердцем о таком невежестве церкви относительно небесного быта духов и ангелов; они с негодованием просили меня сказать, что они вовсе не умы (духи) без образа (формы) и не эфирные дыхания, но что они люди в человеческом образе и что они видят, слышат и чувствуют точно так, как и люди на земле.

Небеса вообще и в частности изображают человека вследствие Божественной человечности Господа

78. Это следует как заключение из всего сказанного и доказанного в предшествующих главах, а именно: 1. Что Господь есть Бог небес. 2. Что Божественное (начало) Господа образует небеса. 3. Что небеса состоят из бесчисленных обществ, из коих каждое образует небеса в малом виде, а каждый ангел – в меньшем. 4. Что все небеса в совокупности изображают одного человека. 5. Что каждое общество на небесах также изображает одного человека. Что посему и каждый ангел, по образу своему, есть совершенный человек. Из всего этого следует, что если Божественное (начало) образует небеса, то и самый образ его есть человеческий.

79. Эта истина была мне доказана многократным опытом, о котором я частью скажу теперь следующее. Ни один ангел на небесах не постигает Божественного начала (Divinum) в ином образе, как человеческом; и, что удивительно, даже ангелы высших небес не могут думать о Божественном начале иначе; они в необходимости мыслить таким образом вследствие наития на них самого Божественного (начала) и вследствие самого образа небес, согласно которому мысли их распространяются вокруг них, ибо каждая ангельская мысль распространяется на небесах, и разумение и мудрость ангельские соразмерны этому распространению. Вот почему все, кто на небесах, признают Господа, ибо нет Божественного человеческого (начала) ни в ком, кроме самого Господа. Все это не только было сказано мне ангелами, но и дано было постичь самому, когда я возносился во внутреннюю сферу небес; из чего видно, что ясность постижения этой истины зависит от степени мудрости ангелов. Вот почему и сам Господь является им видимо; ибо он является в Божественном ангельском образе, т. е. в человеческом, только тем, которые признают и верят, что Божественное (начало) видимо, а не тем, по мнению которых оно невидимо; первые могут видеть его, а вторые не могут.

80. Так как ангелы постигают не Божественное невидимое (начало), называя его Божеством без образа, но Божественное (начало), видимое в человеческом образе, то они обыкновенно и говорят, что один Господь человек, что они люди только по нем и что каждый становится человеком по мере принятия им Господа. Под принятием Господа они разумеют принятие блага и истины, исходящих от него, ибо он сам пребывает в своем благе и в своей истине; они называют это мудростью и разумением, говоря: всякий знает, что разумение и мудрость составляют человека, а не личность его без этих начал. Что это так, то это видно по ангелам внутренних небес: будучи по Господу во благе и истине, а затем в мудрости и разумении, они являются в прекраснейшем и совершеннейшем человеческом образе, а ангелы низших небес – в менее совершенном и менее прекрасном. В аду же наоборот: жители его кажутся при небесном свете не людьми, а чудовищами, потому что они живут не во благе и истине, а во зле и лжи, т. е. в противоположных мудрости и разумению началах; поэтому и жизнь их не называется жизнью, а духовной смертью.

81. Так как небеса в целом и в частности изображают человека вследствие Божественного человеческого (начала) Господа, то ангелы и говорят, что они пребывают в Господе и даже в теле его, как говорят некоторые из них; под этим они разумеют пребывать во благе и любви Господней, как учит тому и сам Господь, говоря: «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. …ибо без Меня не можете делать ничего. …пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей» (Ин 15: 4—10).

82. Вследствие того что небеса не иначе постигают Божественное (начало), каждому человеку, хотя несколько приемлющему небесное наитие, врождено понятие о Божестве в человеческом образе; так было в древности, так и в настоящее время, как внутри церкви,

так и вне ее; простые люди мысленно представляют себе Божество в образе старца, окруженного сиянием. Но это врожденное понятие погасло во всех тех, кои своим разумением и жизнью во зле удалились от небесного наития: кто погасил в себе это понятие собственным разумом, тот признает невидимого Бога, а кто погасил это понятие жизнью во зле, тот не признает никакого Бога. Ни те, ни другие не знают о существовании этого врожденного понятия, потому что его нет в них; меж тем как это понятие есть то самое Божественное небесное (начало), которое первое входит в человека наитием с небес, потому что человек рожден для небес, и никто не входит в небеса без понятия о Божественном (начале).

83. Из этого следует, что у кого нет должного понятия о небесах, т. е. о Божественном (начале), коим существуют небеса, тот не может и подняться к первому порогу их; как только он приближается к ним, он чувствует в себе сопротивление и оттолкновение. Это происходит оттого, что его внутреннее начало не открыто к принятию небес, а замкнуто, как неподходящее к небесному образу; и даже чем более такой человек приближается к небесам, тем крепче замыкается его внутреннее начало. Такова участь тех, которые не принадлежат к церкви, отрицают Господа и, подобно социнианцам, отрицают Божественность его; какова же участь рожденных вне церкви, которым, за неимением Слова, Господь неведом, об этом будет сказано впоследствии.

84. Что у древних было понятие о человечности Божества, это ясно из явлений Божества Аврааму, Лоту, Иисусу Навину, Гедеону, Маноаху, супруге его и другим, которые, хотя видели Бога как человека, тем не менее поклонялись ему как Богу вселенной, называя его самим Богом небес и земли и Иеговою; что Аврааму являлся Господь, это он сам говорит у Иоана в главе 8 стихе 56; а что он же являлся и прочим, это ясно из слов его: «Ни гласа Его (отца) никогда не слышали, ни лица Его не видели» (Ин 5:37; 1:18).

85. Но судящие обо всем по чувственному внешнего человека с трудом могут понять, что Бог есть человек. Чувственный человек может думать не иначе о Божестве, как по мирскому и по предметам здешнего мира, а потому о Божественном и духовном человеке не иначе, как о человеке плотском и природном; на этом основании он заключает, что если Бог человек, то он должен быть огромен, как вселенная, и если он управляет небесами и землей, то, вероятно, через многих помощников, подобно царям здешнего мира. Если сказать такому человеку, что на небесах нет пространства, как здесь, то он вовсе не поймет этого; ибо кто привык думать по природе и при одном свете ее, тот не может думать, отрешаясь от понятий о пространстве, в котором он живет; но весьма ошибается, кто таким же образом думает и о небесах. Пространство на земле не подобно пространству на небесах: здесь оно определяемо и потому измеримо, а на небесах оно неопределяемо и потому неизмеримо.[14] Всякий знает, как далеко простирается зрение глаза, даже до солнца и звезд, столь далеко отстоящих от нас; кто мыслит глубже, тот знает, что внутреннее, мысли принадлежащее, зрение простирается дальше и что посему зрение еще более внутреннее может простираться еще дальше; каково же должно быть зрение самое внутреннее и высшее, т. е. Божественное? Вследствие такой всеобъемлющей способности мысли все, что есть на небесах, равно и все, относящееся к Божественному началу, коим образуются и исполняются небеса,[15] сообщается каждому живущему в них.

86. Небесные жители удивляются, что люди считают себя разумными, когда думают о Боге как о существе невидимом, т. е. ни в каком образе не постигаемом, и что мыслящих иначе они называют неразумными и даже простыми, меж тем как выходит наоборот. Ангелы говорят, пусть эти разумники испытают себя, не видят ли они вместо Бога природу, иные – ту, которая перед их глазами, другие – ту, которая не подлежит их зрению? Не слепы ли

[14] О протяжении пространства на небесах будет говорено ниже, в главе о пространстве и времени в духовном мире.

[15] Как показано в предыдущих главах.

они до того, что не знают, что такое Бог, что такое ангел, что такое дух, что такое душа их, которая будет жить после смерти, что такое жизнь небесная в человеке, и многое другое, принадлежащее разумению? Меж тем как все это знают, понимая по-своему, те, которых они называют простыми. О Боге у них понятие как о Божестве в человеческом образе; об ангеле – как о небесном человеке, о душе, которая будет жить после смерти, – что она подобна ангелу; о небесной жизни человека – что она есть жизнь по заповедям Божественным. По всему этому ангелы называют этих простых разумными и готовыми для небес, а других, напротив, неразумными.

Все, что есть на небесах, соответствует всему, что есть в человеке

87. Ныне по многим причинам не знают, что́ такое соответствие. Одна из главных причин та, что человек удалился от небес любовью к себе и к миру; а кто более всего любит себя и мир, тот взирает на одно только мирское, потому что оно ласкает его внешние чувства и приятно его природным наклонностям; на духовное же он не взирает, ибо оно ласкает внутренние чувства и приятное для духа; поэтому люди и отбрасывают духовное, говоря, что оно выше их понимания. Древние поступали иначе: для них наука соответствий была главной из всех наук; в ней они почерпали разумение и мудрость, и через нее люди, принадлежавшие к церкви, сообщались с небесами, ибо наука соответствий есть наука ангелов. Самые древние люди, будучи людьми небесными, мыслили вполне по соответствиям, подобно ангелам; поэтому они беседовали с ними, и сам Господь часто являлся им и поучал их. Но ныне наука эта до того утрачена, что даже неизвестно, что такое соответствие.

88. Итак, не постигнув, что такое соответствие, нельзя иметь никакого ясного понятия о духовном мире, о влиянии его на природный, о том, что такое духовное сравнительно с природным, ни ясного понятия о духе человеческом, называемом душою, ни о ее деятельности в теле, ни о состоянии человека после смерти; поэтому следует объяснить, что такое соответствие и в чем оно состоит. Таким образом проложится путь и к последующему.

89. Скажем наперед, что такое соответствие: весь природный мир соответствует духовному не только в общности, но даже и в каждой своей частности; поэтому все, что в мире природном существует вследствие духовного мира, называется соответствием. Должно знать, что природный мир есть и существует вследствие духовного мира совершенно так же, как последствие от своей причины. Природным миром называется все пространство, находящееся под солнцем и получающее от него свет и тепло; все от него существующее принадлежит этому миру. Духовным же миром называются небеса, и все, существующее в небесах, принадлежит тому миру.

90. Так как человек являет в себе небеса и мир в малом виде, согласно большому образу их (см. § 57), то в нем есть и то и другое: мир природный и мир духовный. Внутренние начала, принадлежащие духу его и относящиеся к разуму и воле, составляют его духовный мир; а внешние, принадлежащие его телу и относящиеся к его чувствам и действиям, составляют его природный мир. Итак, все, что находится в природном мире человека, т. е. в чувствах и действиях его тела, и происходит от его духовного мира, т. е. от разума и воли его духа, называется соответствием.

91. По свойству человеческого лица можно иметь понятие о соответствии: на лице, которое не привыкло к притворству, все чувства духа представляются в их естественном виде, как в первообразе; посему лицо и называется изобличителем духа. Таким образом, духовный мир человека проявляется в его природном мире: т. е. мысли его разума – в речи, а желания его воли – в движениях тела; словом, все, что проявляется в теле, будет ли оно на лице, в речи или телодвижениях, называется соответствием.

92. Из этого также видно, что такое внутренний человек и что такое внешний: что внутренний человек тот, который называется духовным, а внешний тот, который называется природным; что один отличается от другого, как небеса от земли, и что все, проявляющееся и существующее во внешнем, или природном, человеке, проявляется и существует вследствие внутреннего, или духовного.

93. Доселе говорилось о соответствии внутреннего, или духовного, человека с его внешним, или природным, человеком; а теперь будет говорено о соответствии всех небес со всеми частями человеческого тела.

94. Выше показано, что небеса в совокупности изображают одного человека, который потому и назван большим человеком; было также сказано, что вследствие этого и ангельские общества, из которых состоят небеса, расположены в том же порядке, как члены, органы и черева (viscera) в человеке; т. е. что некоторые общества находятся в голове, другие – в руках, третьи – в груди, а иные – в отдельных частях этих членов, см. выше, §§ 59–72. Поэтому общества, находящиеся в каком-либо члене небес, соответствуют такому же члену в человеке; например, находящиеся там в голове – соответствуют голове человека; находящиеся там в груди – соответствуют груди человека, а находящиеся в руках – соответствуют рукам человека и так далее в остальном. В силу этого соответствия человек существует (subsistit), ибо его существование зависит непосредственно от небес.

95. Перед этим было также сказано на своем месте, что небеса делятся на два царства, из которых одно называется царством небесным, а другое – духовным. Небесное царство вообще соответствует сердцу и всему, что относится к нему в целом теле; духовное же царство соответствует легкому и всему, что относится к нему в целом теле. Сердце и легкое образуют два царства в человеке: сердце царствует в нем боевыми и чернокровными жилами, а легкое – нервными и мышечными волокнами; то и другое участвуют в каждом его усилии и действии. В каждом человеке, в духовном мире его, который называется его духовным человеком, есть также два царства: одно принадлежит воле, другое разуму; воля царствует любовью (per affectiones) ко благу, а разум царствует любовью к истине; эти царства соответствуют царствам сердца и легкого в теле. То же самое и на небесах: небесное царство есть начало воли в небесах, и там царствует благо любви; а духовное царство есть начало разума в небесах, и там царствует истина. Вот что соответствует отправлениям сердца и легкого в человеке. Вследствие этого соответствия сердце в Слове Божием означает волю и также благо любви, а дыхание легких означает разум и истину веры; по этому же самому чувства приписываются сердцу, хотя они не находятся в нем и не происходят от него.

96. Соответствие обоих небесных царств с сердцем и легкими есть общее соответствие небес с человеком; но кроме того есть и частное, с каждым его членом, органом и черевом; а именно: духи, находящиеся в голове большого человека, т. е. небес, более других пребывают во всяком благе, ибо живут в любви, мире, невинности, мудрости, разумении, а затем в радости и блаженстве; эти духи влияют на голову человека и на все ее части, соответствуя им. Находящиеся в груди большого человека, или небес, пребывают во благе милосердия и веры, и влияние их обращено на грудную полость человека, которой они соответствуют. Находящиеся в чреслах большого человека, т. е. небес, или в детородных частях, живут в супружеской любви. Находящиеся в ногах пребывают в низшем небесном благе, называемом благом природно-духовным. Находящиеся в руках пребывают в силе истины по благу. Находящиеся в глазах – в разуме. Находящиеся в ноздрях – в послушании. Находящиеся в устах и языке – в витийстве по разуму и постижению. Находящиеся в почках – в истине испытующей, разлагающей и исправляющей. Находящиеся в печени, в поджелудочной железе и в селезенке – в различном очищении блага и истины. Так и относительно всех прочих частей небес: они все влияют на подобные же части в человеке и соответствуют им. Небеса влияют на отправления и службы членов; а службы, имея свое начало в духовном мире, облекаются в видимый образ посредством веществ, находящихся в природном мире, и таким образом проявляются в действии; от этого и соответствие между ними.

97. По сей же причине члены, органы и черева, упоминаемые в Слове Божием, имеют то же самое значение, ибо в Слове Божием все имеет значение по соответствию: так голова означает разумение и мудрость; грудь – благостыню; чресла – супружескую любовь; руки – силу истины; ноги – природное; глаза – разум; ноздри – постижение; уши – послушание; почки – исследование истины и т. д. По этой же самой причине мы обыкновенно говорим о разумном и мудром человеке, что он с головой; о том, кто полон благостыни, что он человек

сердца; о том, кто скоро понимает, что он тонкого чутья (тонкий нос); о человеке умном – про остроту его зрения; о том, кто силен, что у него широкие плечи; о том, кто говорит или желает по любви, что он делает это от сердца; такого рода поговорки и многие другие сложились по соответствию, ибо начало их в духовном мире, хотя человек этого вовсе не знает.

98. Что все, что есть на небесах, соответствует таким образом тому, что есть в человеке, мне было доказано многократным опытом, и даже так часто, что я убедился в этом, как в истине очевидной и не подлежащей никакому сомнению; но нет надобности приводить здесь все эти опыты, тем более что по большому количеству их им бы здесь не было и места.[16]

99. Хотя все, что есть телесного в человеке, соответствует всему, что есть на небесах, тем не менее человек не есть образ небес по внешности своей, а по внутренности: внутреннее начало его есть преемник небес, а внешнее – преемник мира; и потому, насколько внутреннее принимает небеса, настолько человек во внутреннем начале своем становится образом небес в малом виде, по образу большого человека; насколько же его внутреннее удаляется от небес, настолько он не становится образом небес и большого человека. При всем этом внешнее начало человека, как преемник мира, может быть в образе своем согласно с порядком мира и потому в различной степени красоты. Внешняя красота, т. е. телесная, зависит от родителей и от сложения ребенка в утробе, а после того поддерживается общим влиянием мира на тело; вследствие этого внешний, или природный, человек в образе своем весьма различен от духовного человека. Мне было показано несколько раз, каков в образе своем дух человека, и я видел, как в некоторых людях с красивой и приятной наружностью дух был безобразен, черен и чудовищен, так что этот образ был скорее адский, чем небесный; напротив же, в других людях с некрасивой наружностью дух был прекрасен, светел и подобен ангелу. Дух человека после смерти является в том виде, каким он был в теле, когда обитал его на земле.

100. Но соответствие не ограничивается одним человеком, а идет еще далее и простирается на все небеса: третьим, или самым внутренним, небесам соответствуют вторые, или средние; вторым, или средним, соответствуют первые, или последние; последним же соответствуют в человеке все части его телесного образа, т. е. члены, органы и черева. Таким образом, крайний предел небес оканчивается в плотском начале человека, которое и служит им как бы основанием. Тайна эта будет изложена полнее в другом месте.

101. Необходимо знать, что все, соответствующее небесам, соответствует и Божественному человеческому (началу) Господа, ибо им стались небеса и он сам есть небеса, как было показано в предыдущих главах; если б Божественное человеческое (начало) Господа не сходило наитием на все, существующее на небесах, и затем, по соответствию, на все, существующее в мире, то не было бы ангела и не было бы человека. Из этого опять видно, почему Господь стал человеком и облек Божественное свое (начало) в человеческое, от первых начал и до последних; а именно потому, что когда человек, служащий основанием небес, извратил и разрушил порядок, то к сохранению всего существующего уже стало недостаточно того Божественного человеческого (начала), коим существовали небеса до пришествия Господа.

102. Ангелы изумляются, когда узнают, что есть люди, которые все приписывают природе и ничего не относят к Божественному началу; которые думают, что тело их, в коем собрано столько чудно-небесного, есть также произведение природы; даже думают, что рассудочное начало человека происходит от того же источника. Меж тем им стоило бы только вознестись умом, чтоб увидать, что эти чудеса происходят от Божественного (начала), а не от природы; что природа создана только для того, чтоб облекать духовное и соответственно

[16] Смотри об этом в сочинении: «Тайны Небесные» (Areana Celestia), в главах: О соответствиях, о преобразованиях, о влиянии духовного мира на природный и о сношении души с телом.

изображать его в последней степени порядка. Таких людей духи сравнивают с совами, которые видят во мраке, но ничего не видят при свете.

Все, что есть на земле, соответствует небесам

103. В предшествующей главе было сказано, что такое соответствие и также что все части животного тела, как вообще, так и в особенности, суть соответствия; теперь по порядку следует показать, что все существующее на земле и вообще все существующее в мире есть соответствие.

104. Все, что есть на земле, относится вообще к одному из трех видов природы, называемых царствами, т. е. к животному, растительному или ископаемому. Предметы царства животного составляют соответствия первой степени, потому что они живут; предметы растительного царства суть соответствия второй степени, потому что они только растут; предметы царства ископаемого суть соответствия третьей степени, потому что они и не живут, и не растут. Соответствия в животном царстве суть разного рода живые существа, как ходящие и ползающие по земле, так и летающие по воздуху; исчислять их виды нет надобности, потому что они известны. К соответствиям царства растительного принадлежит все, что растет и цветет в садах, лесах, полях и равнинах; это также не требует отдельного поименования. К соответствиям царства ископаемого принадлежат все благородные и неблагородные металлы, простые и драгоценные камни, разного рода земли и также воды. Кроме этих произведений природы все, что из них промыслом человека изготовлено для службы, как-то: разного рода пища, одеяния, жилища, постройки и тому подобное, – также принадлежит к соответствиям.

105. Все небесные тела: солнце, луна, звезды, также облака, тучи, дождь, гром, молния – суть соответствия. Явления, зависящие от солнца, от его присутствия или отсутствия, как-то: свет и тьма, тепло и холод, равно и зависящие от этих явлений, времена года, называемые весной, летом, осенью и зимой, и времена дня, т. е. утро, полдень, вечер и ночь, – суть также соответствия.

106. Словом, все, что есть в природе, от самого малого предмета и до самого большого, есть соответствие; потому что мир природный со всеми своими принадлежностями заимствует свое бытие и существование (existit et subsistit) от мира духовного, а тот и другой – от Божественного. Здесь сказано бытие и существование, потому что существование исходит от того же источника, от которого и первоначальное бытие: существование (subsistentia) есть непрестанное бытие (existentia); ничто не может существовать по себе, но только от чего-либо предшествующего, следовательно, от первого начала, от которого если оно отделяется, то совершенно гибнет и уничтожается.

107. Все, что в природе имеет бытие и существует согласно Божественному порядку, есть соответствие. Божественный порядок строится Божественным благом, исходящим от Господа; он зачинается в самом Господе, постепенно исходит от него через небеса на землю и тут оканчивается в своих последних степенях. Все, что в мире согласно с порядком, есть соответствие; с порядком же согласно всякое добро и все, что вполне годно к службе, ибо всякое добро становится добром по мере его службы: образ же его относится к истине, потому что истина есть образ добра. Вот почему все, что в целом мире и природе его находится в Божественном порядке, относится к добру и к истине.

108. Все, что мы встречаем в царствах животном и растительном, служит очевидным доказательством, что все в мире заимствует свое бытие от Божественного (начала) и облекается в такие элементы, через посредство коих может находиться в природе, отправлять службу и таким образом быть соответствием. В том и другом царстве есть такие предметы, что всякий, размыслив внутренне, легко убедится в их происхождении от небесного начала; из бесчисленного количества данных возьмем немногое для пояснения. Начнем с животного царства: всем известно, какое удивительное знание дано каждому животному от рождения:

пчелы знают, как собирать мед на цветах и как строить из воска те ячейки, в которых они хранят свой мед, чтоб таким способом себя и своих снабдить пищей на предстоящую зиму. Их самка кладет яйца, а другие при этом прислуживают ей и замазывают их, чтоб родилось новое поколение. Они живут под каким-то управлением, образ которого им всем известен от рождения; полезных членов общины сохраняют, а бесполезных исключают, лишая их крыльев; кроме того, в их управлении есть еще много чудного, данного им свыше, ради службы: так воск их служит для освещения целому роду человеческому, а мед их для подслащения пищи. Каких чудес не видим мы в жизни гусениц, которые стоят на низшей ступени животного царства. Они умеют питаться соком листьев известных им растений, затем в определенный срок запрятаться в оболочку (куколку), в которой сидят, как бы в утробе, возрождая таким образом породу свою; некоторые из них превращаются сперва в личинки и златницы и прядут ткань; по окончании работы облекаются в другое тело и украшаются крыльями; летают по воздуху, как бы в своих небесах, совершают браки, откладывают яйца и заботятся о своем потомстве. Кроме этих особенностей все вообще животные, летающие по воздуху, не только знают пищу, которой им следует питаться, но даже и где ее найти; умеют, каждая порода по-своему, вить себе гнезда, класть в них яйца, высиживать их, выводить своих птенцов, кормить их и, наконец, когда они окрылятся, выгонять их из гнезда. Они также знают, каких врагов им избегать и с какими товарищами им водиться; все это знают они от самого детства; не говорю уже про их яйца, в которых все готово в должном порядке для образования и питания зачинающегося птенца; умолчу также и о многих других чудесах природы, потому что их не исчислить. Кто после этого, мысля хоть несколько по здравому рассудку, скажет, что все эти чудеса не от духовного мира, которому природный служит телесной оболочкой, или для того, чтоб духовную причину представить в ее вещественном проявлении? Человек, несмотря на то что он много выше всех животных, обитающих землю и воздух, не родится подобно им с полным знанием необходимой для него науки, потому что животные живут в законах порядка своей жизни и за неимением рассудка не могут разрушить в себе того, что им дано из духовного мира; человеку же дана от духовного мира способность мышления; извратив в себе эту способность жизнью, противною порядку, чему потворствовал рассудок его, он не может родиться иначе, как в полном неведении, и уже потом Божественными путями возвращаться к небесному порядку.

109. Что касается предметов *растительного царства*, то по многим его особенностям можно видеть, в чем состоят его соответствия. Например, из семян вырастают деревья, которые сперва покрываются листьями, а потом дают цвет и плод, и в плодах этих образуют новые семена; все это делается так последовательно и в таком удивительном порядке, что нельзя этого передать в нескольких словах; можно исписать целые книги, и все-таки внутренние тайны, относящиеся к ближайшим службам растительного царства, не будут исчерпаны наукой. Так как эти произведения происходят от духовного мира, или от небес, которые в образе своем подобны человеку (что было показано выше на своем месте), то и все принадлежащее этому царству несколько относится и к тому, что принадлежит человеку, как это уже известно некоторым ученым. Соответственность всего, что есть в растительном царстве, стала для меня очевидной из многих опытов; рассматривая в садах деревья, плоды, цветы и овощи, я часто замечал их соответствия на небесах, беседовал с духами, находившимися в этих соответствиях, и научался их источнику и свойствам.

110. Никто в настоящее время не может иным путем, кроме небесного, изведать все духовные, небесам принадлежащие, начала, которым соответствуют все природные, миру принадлежащие, начала, потому что ныне наука соответствий вовсе утрачена; в чем, однако, состоит соответствие духовного с природным, это я намерен пояснить несколькими примерами. Животные нашей земли вообще соответствуют чувствам (affectio); животные кроткие и полезные – чувствам добрым; дикие и бесполезные – чувствам злым; в частности

же: быки и тельцы соответствуют чувствам, свойственным уму (mens) природному; овцы и ягнята – чувствам, свойственным уму духовному; птицы, смотря по породе своей, соответствуют разумным началам того и другого ума. По этой причине различные животные, как-то: быки, тельцы, овцы, козы, козлы, агнцы и ягнята, равно голуби и горлицы – употреблялись в церкви преобразовательной (repraesentativa) для священных служб, жертвоприношений и всесожжений; при таком их употреблении они соответствовали духовным началам, которые по соответствию понимались на небесах. Животные, смотря по родам и видам своим, суть действительно чувства (affectiones) по той причине, что они живут, а всякая жизнь – от чувства и согласна с ним; на этом основании каждому животному прирождено знание, согласное с чувством его жизни; а как сам человек, относительно природного своего человека, походит на животное, то в обыкновенном разговоре он и уподобляется ему: если человек кроток, его называют овцой или агнцем; если он свиреп, его называют медведем или волком; если хитер – лисой или змеей; и т. д.

111. Такая же соответственность находится и в предметах растительного царства: сад вообще соответствует небесам относительно разумения и мудрости; поэтому в Слове небеса именуются вертоградом Божьим и раем, и сам человек называет их раем небесным. Деревья, смотря по породам своим, соответствуют постижению и познанию блага и истины, через что дается разумение и мудрость; вот почему древние, обладавшие наукой соответствий, совершали свои священнослужения в рощах; по той же причине мы так часто встречаем в Слове названия деревьев, как-то: виноградной лозы, маслины, кедра и других, коим уподобляются небеса, церковь и человек; плодам же древесным уподобляются добрые дела человеческие. Пища, получаемая из растений, в особенности зерно, снятое с поля, соответствует чувствам любви ко благу и к истине, потому что чувства эти (affectiones) питают жизнь духовную подобно тому, как пища земная питает жизнь природную. Хлеб вообще соответствует любви ко всякому благу, потому что он лучше всякой другой пищи поддерживает жизнь и что под его названием разумеется пища вообще. На основании этого соответствия сам Господь называет себя хлебом жизни; по этой же причине хле́бы употреблялись в священном служении Церкви Израильской: они возлагались в скинии на престол и назывались хлебами предложения; поэтому и всякое Божественное служение, которое совершалось жертвоприношениями и всесожжениями, называлось хлебом. Ради этого самого соответствия священнейшее служение в Церкви Христианской есть святая вечеря, в которой предлагаются хлеб и вино. Из этих немногих примеров можно видеть, в чем состоит соответствие.

112. Скажу теперь в немногих словах, каким образом совершается соединение небес с миром посредством соответствий. Царство Господне есть царство целей (finis – конец, цель), т. е. служб (usus), или, что то же, царство служб, т. е. целей. Поэтому вселенная была создана и устроена Божественным (началом) таким образом, чтобы службы (usus) облекались везде в такие предметы, через посредство коих они могли бы представиться в действии или проявлении сначала на небесах, а потом на земле, т. е. постепенно и последовательно, до самых последних ступеней природы. Из этого ясно, что соответствие природных начал с духовными, или земного с небесным, совершается посредством служб; что службы соединяют то и другое и что внешние образы (или формы), в которые облекаются службы, настолько служат соответствиями и средствами соединения, насколько они суть образы, т. е. формы служб. Все предметы, существующие в природном мире и его трояком царстве согласно с Божественным порядком, суть образы служб или проявления, образовавшиеся вследствие службы и ради службы; поэтому все эти предметы и суть соответствия. Что же касается человека, то насколько он живет согласно Божественному порядку, то есть насколько он живет в любви к Господу и в милосердии к ближнему, настолько действия его суть службы в образе и соответствия, коими он соединяется с небесами; любить Господа и ближнего – значит вообще отправлять службу (usus praestare). К тому должно знать, что мир природный

соединяется с духовным через человека или, другими словами, что человек есть посредник (medium) этого соединения, потому что он причастен не только к миру природному, но и духовному (см. выше, § 57): вследствие чего насколько он становится человеком духовным, настолько он становится и посредником этого соединения и наоборот, насколько он становится не духовным, а природным человеком, настолько он перестает быть таким посредником. Тем не менее, независимо от его посредства, Божественное наитие непрестанно сходит в мир и во все мирское в человеке, но только не в рассудочное начало его.

113. Как все согласное с Божественным порядком соответствует небесам, так все противное Божественному порядку соответствует аду. Все, соответствующее небесам, относится ко благу и истине, а соответствующее аду – ко злу и лжи.

114. Скажу теперь несколько слов о науке соответствий и о службе ее. Перед этим было говорено, что духовный мир, т. е. небеса, соединяются с миром природным посредством соответствий и что, следовательно, через них человек сообщается с небесами. Небесные ангелы не мыслят, как человек, по-природному, а по-духовному, и потому человек, знакомый с наукой соответствий, может мысленно быть вместе с ангелами и путем этим соединяться с ними относительно своего духовного, или внутреннего, человека. С той целью, чтобы человек мог соединяться с небесами, Слово Божие написано одними соответствиями: все, что содержится в нем, до последней частицы, есть соответствие; поэтому если бы человек был знаком с наукой соответствий, то он мог бы разуметь Слово в его духовном смысле и познать такие тайны, которых по смыслу буквы вовсе не видно. В Слове есть два смысла: один буквальный, а другой духовный; смысл буквальный говорит о земном, а духовный – о небесном; а так как соединение небес с миром совершается через соответствия, то и Слово дано было в таком виде, чтоб в нем все, до последней йоты, имело свое соответствие.

115. Мне было сказано на небесах, что древнейшие жители нашей земли, как люди небесные, мыслили по самым соответствиям и что земная природа, бывшая пред их глазами, служила им средством для такого мышления; люди эти сообщались с ангелами и беседовали с ними, так что через них небеса соединялись с землей. На этом основании то время и было названо золотым веком; древние писатели говорят даже, что в тот век небесные жители обитали с людьми и находились в сообществе их, как друзья с друзьями. Затем, как мне было сказано, возникло другое поколение людей, которые не мыслили по самым соответствиям, но по науке соответствий; соединение небес с человеком все еще продолжалось, но уже не было столь внутренним; это время названо серебряным веком. После того настало поколение, которое хотя и знало соответствия, но не мыслило по науке их, потому что жило в природном благе, а не в духовном, как предшественники его; это время названо медным веком. После сего человек стал постепенно внешним и, наконец, плотским; тогда наука соответствий совершенно утратилась, а с ней познание небес и многого к ним относящегося. Века эти были названы золотым, серебряным и медным по соответствиям; ибо золото означает небесное благо, в коем жило древнейшее поколение людей; серебро – духовное благо, в коем жило наставшее затем древнее поколение; а медь – благо природное, в котором находилось следующее потомство; что же касается железа, по имени которого был назван последний век, то оно означает истину жесткую, без блага.

О небесном солнце

116. На небесах не видать солнца здешнего мира, ни всего, что происходит от этого солнца, потому что все это природное. Природа зачинается от видимого нами солнца, и все, что им производится, называется природным; духовное же солнце, в области которого находятся небеса, выше природного, совершенно от него раздельно и сообщается с ним не иначе, как через соответствия. В чем состоит это различие, можно видеть из сказанного выше о степенях в § 38, а в чем состоит это сообщение, видно из сказанного в двух предшествующих главах о соответствиях.

117. Но хотя на небесах не видать здешнего солнца и ничего происходящего от него, тем не менее там есть и солнце, и свет, и тепло – словом, все то, что мы видим в здешнем мире, и даже несравненно более того; но только оно не одинакового происхождения, потому что все, что есть на небесах, принадлежит духовному началу, а все, что на земле, – природному. Солнце на небесах есть Господь, свет небесный есть Божественная истина, а тепло небесное – Божественное благо, исходящее от Господа как солнца: от этого источника исходит все, что ни есть на небесах; но о свете и тепле и о том, что от них там происходит, будет говорено в следующих за сим главах, здесь же только о небесном солнце. Господь на небесах является солнцем потому, что он есть Божественная любовь, которая дает бытие всему духовному так же, как здешнее солнце всему природному; эта любовь и светится, как солнце.

118. Я узнал это не только от ангелов, но и мне самому дано было несколько раз видеть, что Господь на небесах действительно является солнцем; а потому я и скажу здесь в нескольких словах все, что я видел и слышал о Господе как солнце. Господь является солнцем не в небесах, но высоко над небесами, и не над головой, но перед лицом ангелов, на средней высоте. Он является в большом расстоянии, перед правым глазом или перед левым: перед правым глазом он является совершенно подобным солнцу, как бы такого же огня и такой же величины, как здешнее солнце; перед левым же глазом он является подобным не солнцу, а луне, такой же белизны и величины, как наша луна, но с большим блеском и посреди нескольких маленьких лун, такой же белизны и такого же блеска. Господь является в двух местах так различно по той причине, что он является каждому, смотря по тому, как он принят им; т. е. он является иначе приемлющим его как благо любви и иначе – приемлющим его как благо веры. Приемлющим его как благо любви он является согласно сему принятию, подобно огненному и пламенному солнцу; такие духи находятся в его небесном царстве. Приемлющим его как благо веры он является подобно луне, коей белизна и блеск также согласны с качеством принятия его;[17] духи этого разряда находятся в царстве духовном. Такое различие происходит оттого, что благо любви соответствует огню, почему и огонь в духовном смысле есть любовь, а благо веры соответствует свету, почему и свет в духовном смысле есть вера. Господь потому является перед глазами, что внутренние, духу человеческому принадлежащие, начала видят через орудие глаза: через правый глаз, когда они основаны воблаге любви, а через левый, когда они основаны во благе веры. Все, что у ангелов или у человека находится с правой стороны, соответствует благу, от которого исходит истина; а все, что с левой стороны, – истине, от коей исходит благо. Благо веры есть в сущности истина, исходящая от блага.

119. На этом основании в Слове Божием Господь относительно любви уподобляется солнцу, а относительно веры – луне; на том же основании любовь, исходящая от Господа и к нему же обращенная, названа солнцем, а вера, исходящая от Господа и к нему же обра-

[17] Те и другие видят его как солнце, но сравнительно с солнцем небесного царства он кажется ангелам духовного царства луной. (Примеч. пер.)

щенная, названа луной; так в следующих изречениях: «И свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемеро» (Ис 30:26). «И когда ты угаснешь, закрою небеса, и звезды их помрачу, солнце закрою облаком, и луна не будет светить светом своим. Все светила, светящиеся на небе, помрачу над тобою, и на землю твою наведу тьму» (Иез 32:7, 8). «…Солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим» (Ис 13:10). «…Солнце и луна помрачатся и звезды потеряют свой свет. Солнце превратится во тьму и луна – в кровь» (Иоиль 2:10, 31). «…И солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь; и звезды небесные пали на землю» (Отк 6:12, 13). «…После скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба» (Мф 24:29). В этих изречениях солнце означает любовь, луна – веру, а звезды – познания блага и истины; когда их более нет, то сказано, что они помрачаются, не дают света своего и падают с небес. Что Господь является на небесах, подобно солнцу, видно также из того, что когда он преобразился перед Петром, Иоанном и Иаковом, «и просияло лицо Его как солнце» (Мф 17:2). Таким видели его ученики, когда были отрешены от тела и находились в небесном свете. Вот почему древние, принадлежавшие к церкви преобразовательной, обращались в богослужении своем лицом к солнцу, на восход; от них же произошло и обыкновение при постройке церкви обращать ее алтарем к востоку.

120. Как велика божественная любовь и какова она, можно заключить из сравнения ее с солнцем нашей земли: любовь эта так пламенна, что она, как ни трудно этому поверить, гораздо пламеннее нашего солнца. Поэтому Господь, как солнце, не влияет непосредственно на небеса, но пламенность любви его постепенно в пути своем умеряется; эта постепенно умеряемая пламенность является лучезарными поясами вокруг солнца; а чтобы ангелы могли вполне свободно выносить это Божественное влияние, они, кроме того, прикрыты сверху легким облачком. Таким образом, небеса находятся на расстоянии от солнца, соразмерном принятию ангелами Божественного наития: высшие небеса, как пребывающие во благе любви, всего ближе к Господу-солнцу; низшие небеса, как пребывающие во благе веры, более удалены от него; а те, кои вовсе не живут во благе, как жители ада, находятся в самом дальнем от него расстоянии и тем далее, чем более они противоположны благу.

121. Когда Господь является на небесах, что случается часто, он не является среди солнца, но в образе ангельском, отличаясь от ангелов сиянием Божественным. В этом образе личного присутствия Господа нет, ибо самая личность его окружена солнцем; присутствие же его есть одна видимость. На небесах весьма часто случается, что человек кажется присутствующим в том месте, где останавливается взгляд его, хотя бы он сам находился весьма далеко от этого места; это присутствие называется присутствием внутреннего зрения, о котором будет говорено впоследствии. Ятакже видел Господа вне солнца в образе ангельском, на большой высоте, немного ниже солнца; я видел его и ближе, в таком же образе, с лицом, исполненным сияния; и однажды среди ангелов, как луч пламенного света.

122. Земное солнце всегда кажется ангелам чем-то темным, в противоположность небесному солнцу, а луна чем-то мрачным, в противоположность небесной луне. Это происходит оттого, что земной огонь соответствует любви к себе, а свет этого огня – лжи этой любви; любовь же к себе совершенно противоположна Божественной любви, а ложь этой любви совершенно противоположна Божественной истине: а что противоположно Божественной любви и Божественной истине, то для ангелов тьма и мрак. Вот почему обожать земное солнце и луну и поклоняться им означает в Слове любить себя и ложь, которая от этой любви; посему и о живущих таким образом сказано, что они будут истреблены (Втор 4:19; 17:3–5; Иер 8:1, 2; Иез 8:15, 16, 18; Отк 16:8; Мф 13:6).

123. Так как Господь на небесах является солнцем по Божественной любви, которая пребывает в нем и исходит от него, то все, живущие на небесах, и обращаются постоянно к нему: живущие в небесном царстве обращаются к нему как солнцу, а живущие в духовном

царстве обращаются к нему как луне; живущие же в аду обращаются ко тьме и мраку, т. е. в противоположную сторону и, таким образом, тылом к Господу; это делается по той причине, что все, находящиеся в аду, живут в любви к себе и к миру и, следовательно, противоположны Господу. Обращающиеся ко тьме, которая им служит вместо здешнего солнца, находятся в аду позади и называются гениями; а обращающиеся ко мраку, который им служит вместо луны, находятся в аду впереди и называются духами; на этом основании говорят о находящихся в аду, что они во мраке, а о находящихся на небесах – что они в свете: мрак означает ложь, происходящую от зла, а свет – истину от блага. Все обращаются таким образом потому, что в той жизни всякий взирает на то, что царствует внутри его, т. е. на любовь свою, и что лицо ангела или духа слагается по его внутренним началам; также и потому, что в той жизни страны света не определены раз навсегда, как в природном мире, но определяются по обращению лица жителей того мира. Таким же образом обращается и человек относительно духа своего: живущий в любви к себе и к миру обращается к Господу тылом, а живущий в любви к Господу и ближнему обращается к Господу лицом; но человек этого не знает, потому что он живет в мире природном, в котором страны света определяются по восходу и заходу солнца. Так как человеку трудно это понять, то это будет пояснено в следующих за сим главах: о странах света, о пространстве и о времени на небесах.

124. Вследствие того, что Господь есть солнце небес и что все, происходящее от него, обращается к нему, он и есть общий центр, который дает всему свое направление и определение; а потому его же присутствию и усмотрению подлежит и все остальное как на небесах, так и на земле.

125. Из всего этого можно яснее понять все сказанное о Господе в предшествующих главах, а именно: что Господь есть Бог небес, §§ 2–6; что Божественное (начало) его образуют небеса, §§ 7—12; что Божественное (начало) Господа на небесах есть любовь к нему и любовь к ближнему, §§ 13–19; что все, находящееся на земле, соответствует небесам и через небеса – Господу, §§ 89—115; и наконец, что здешнее солнце и луна суть также соответствия, § 105.

О небесном свете и тепле

126. Привыкшие мыслить и судить по внешней природе не понимают, что мог бы быть свет на небесах, между тем как свет на небесах так велик, что он много раз превосходит здешний полуденный свет; я часто видел его, даже в вечернюю пору и ночью. Вначале я удивлялся, когда слышал от ангелов, что свет нашего мира едва только тень в сравнении с небесным светом; но когда я увидал его, могу засвидетельствовать, что белизна и блеск его превосходят всякое описание. Все, что я видел на небесах, я видел в этом свете, и потому яснее и отчетливее того, что на земле.

127. Свет небес не природный, как свет нашего мира, но духовный, потому что он исходит от Господа как солнца, и солнце это есть Божественная любовь (как было сказано в предшествующей главе). То, что исходит от Господа как солнца, называется на небесах Божественной истиной; в сущности же своей – это Божественное благо в соединении с Божественной истиной: отселе для ангелов источник света и тепла, потому что свет их истекает от Божественной истины, а тепло – от Божественного блага. Из этого ясно, что свет небесный, равно как и тепло, по такому происхождению своему не природны, а духовны.

128. Свет для ангелов есть Божественная истина, потому что ангелы существа духовные, а не природные; духовные существа видят при своем солнце, а природные при своем. Ангелы заимствуют свой разум от Божественной истины, и разум их есть внутреннее зрение, которое влияет на их внешнее зрение и производит его; поэтому все, что является на небесах от Господа-солнца, является в свете. Вследствие такого происхождения небесного света он разнообразен по мере принятия ангелами Божественной истины, исходящей от Господа, или, что то же, – по мере разумения и мудрости ангелов. Посему свет этот в небесном царстве различен от света в духовном царстве и так же различен в каждом обществе: в небесном царстве свет кажется огненным, потому что ангелы этого царства получают свет свой от Господа-солнца; свет в духовном царстве кажется блестящей белизны, потому что ангелы этого царства получают его от Господа как от луны, см. выше, § 118. Не одинаков свет и в каждом обществе, и даже различен в одном и том же обществе; обитающие в середине его живут в большем свете, а обитающие в окружных пределах общества живут в меньшем свете, см. § 43. Словом, свет дается ангелам по мере принятия ими Божественной истины, т. е. по степени их разумения и мудрости от Господа. Вот почему небесные ангелы называются ангелами света.

129. Так как Господь на небесах есть Божественная истина, а Божественная истина – свет, то Господь в Слове и назван светом, равно как и всякая истина, исходящая от него, так, например, в следующих изречениях: «…говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин 8:12). «Доколе Я в мире, Я свет миру» (Ин 9:5). «Тогда Иисус сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет; доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света… Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Ин 12:35, 36, 46). «…Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет» (Ин 3:19). Иоанн говорит о Господе: «Был свет истинный, Который просвещает всякого человека» (Ин 1:9). «Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Мф 4:16). «…Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли» (Ис 49:6). «Спасенные народы будут ходить во свете его» (Отк 21:24). «Пошли свет Твой и истину Твою, да ведут они меня» (Пс 42:3). Во всех этих изречениях и в других Господь называется светом по Божественной истине, исходящей от него, равно и самая истина называется светом. Так как свет на небесах исходит от Господа как от солнца, то когда Господь преобра-

зился перед Петром, Иаковом и Иоанном: «…просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет»; или: «…сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Мф 17:2; Мар 9:3). Одеяния Господни показались такими вследствие того, что они изображали Божественную истину, исходящую от него на небесах; также и в Слове одеяния означают истины, почему и сказано у Давида: «Ты одеваешься светом, как ризою» (Пс 103:2).

130. Что свет на небесах духовный и что свет этот есть Божественная истина, можно заключить также из того, что и для человека есть духовный свет, который просвещает его по мере того, насколько сам человек, заимствуясь от Божественной истины, находится в разумении и мудрости: духовный свет в человеке есть свет его разума, предметы которого суть истины, располагаемые им в аналитическом порядке, на основании коих он рассуждает и выводит последовательные заключения. Человек не знает того, что свет, в котором разум его видит эти предметы, есть действительный свет; не знает, потому что не видит его своими глазами и, мысля, не замечает его.

Тем не менее, однако, многие знают об этом свете и различают его от природного света, в коем живут люди, мыслящие природно, а не духовно: природно мыслить – значит взирать только на мирское (земное) и относить все к природе; взирать же на небесное и все относить к Божественному началу – значит мыслить духовно. Мне несколько раз дано было постичь и видеть, что свет, просвещающий разум, есть истинный свет, совершенно различный от света, который называется природным: внутренне и постепенно я возносился к этому свету; по мере возвышения моего разум мой просветлялся до того, что я постигал, чего прежде не мог постичь, и даже такие вещи, которые для мысли в природном свете были вовсе недоступны; и иногда я негодовал на себя за то, что в обыкновенном состоянии своем не понимал того же самого, что при небесном свете постигал ясно и отчетливо. Так как для разума есть свой особенный свет, то, говоря о нем, и употребляются те же выражения, как и о глазе; например, когда разум понимает, говорят: он видит, ему ясно; а когда он не понимает, тогда говорят, что ему неясно и темно, и т. д.

131. Так как небесный свет есть Божественная истина, то свет этот есть также Божественная мудрость и Божественное разумение; поэтому то же самое значит: вознестись до небесного света, или возвыситься в разумении и мудрости, или просветиться; вот почему и свет у ангелов совершенно соответствует степени их разумения и мудрости. Вследствие того что свет на небесах есть Божественная мудрость, каждый в этом свете немедленно познается таким, каков он есть: внутренность каждого видна на лице его во всей своей полноте, без утайки малейшей безделицы. Ангелы внутренних небес любят, чтобы у них все было открыто, потому что они ничего не хотят, кроме блага. Напротив же, те, кои живут под небесами и не хотят блага, боятся по этому самому, чтобы на них не посмотрели при небесном свете. И, что удивительно, находящиеся в аду между собой кажутся людьми, а при небесном свете – чудовищами со страшным лицом и страшным телом, т. е. в полном образе своего собственного зла. То же самое бывает и с человеком относительно духа его, когда ангелы смотрят на него: если он благ, то он кажется им человеком соответственной с его благом красоты; если же он зол, то чудовищем, безобразие которого соответствует его злу. Из этого ясно, что при небесном свете все становится явным, потому что небесный свет есть Божественная истина.

132. Вследствие того что Божественная истина на небесах есть свет, все истины, где бы они ни были, в самом ли ангеле или вне его, внутри (intra) небес или вне (extra) их, светятся. Впрочем, истины вне небес не светятся так, как истины внутри небес. Они дают холодный свет, подобно снегу, в котором нет тепла, потому что эти истины не заимствуют своей жизни от блага, подобно истинам внутри небес; посему холодный свет этот при первом

прикосновении небесного света пропадает, а если под ним скрывается зло, то обращается во мрак.

133. Скажу теперь несколько слов о небесном тепле. Небесное тепло в сущности своей есть любовь, оно исходит от Господа, как солнце, которое, как было показано в предшествующей главе, есть Божественная любовь, в Господе пребывающая и от Господа исходящая; из этого ясно, что тепло и свет небесные, происходящие из одного источника, одинаково духовны. Две вещи исходят от Господа как солнца: Божественная истина и Божественное благо. Божественная истина на небесах проявляется в свете, а Божественное благо – в тепле, но Божественная истина и Божественное тепло до того между собой неразлучны, что они составляют не две вещи, а одно целое. В ангелах, однако, они раздельны, потому что некоторые из них более приемлют Божественное благо, чем Божественную истину, а другие – Божественную истину, чем Божественное благо. Приемлющие Божественное благо живут в небесном царстве Господа, а приемлющие Божественную истину живут в духовном его царстве, но совершеннейшие из ангелов принимают то и другое в одинаковой степени.

134. Небесное тепло, как и свет небесный, везде различно: в небесном царстве оно не такое, как в духовном, и равно различно в каждом обществе этих царств, различно не только по количеству своему, но даже и по качеству. Оно сильнее и чище в небесном царстве Господнем, потому что ангелы этого царства более приемлют Божественное благо. Менее сильно и чисто в духовном царстве Господнем, потому что ангелы этого царства более приемлют Божественную истину, точно так оно различно и в каждом обществе, смотря по тому, как его принимают. Есть тепло и в аду, но нечистое. Тепло небесное есть то, которое разумеется под словами «священный и небесный огонь», а под словами «нечестивый и адский огонь» разумеется адское тепло. Тот и другой относится к любви, но небесный огонь означает любовь к Господу и любовь к ближнему. Адский же огонь означает любовь к себе и любовь к миру. Что любовь есть тепло духовного происхождения, это очевидно из того, что она воспламеняет, и действительно, человек воспламеняется и горячится, смотря по степени и качеству любви своей, в особенности же весь пыл ее обнаруживается, когда нападают на нее. Вот откуда произошли выражения: «горячиться», «воспламеняться», «гореть», «кипеть», «пылать», когда речь идет о чувствах, принадлежащих любви к добру, или о чувствах любви ко злу.

135. Любовь, исходящая от Господа-солнца, потому чувствуется теплом на небесах, что внутренние начала ангельские полны любви от Божественного блага, исходящего от Господа, вследствие чего и внешние начала их, согреваясь от этого источника, чувствуют теплоту. Вот почему тепло и любовь на небесах взаимно себе соответствуют так, что каждому ангелу там тепло по мере того, насколько он сам живет в любви, но об этом было уже сказано выше. Земная теплота вовсе не проникает в небеса, потому что она слишком груба, природна, а не духовна. Но не так бывает с человеком на земле, потому что он в одно и то же время живет в мире духовном и в мире природном, вследствие чего дух его воспламеняется только по мере и качеству любви своей, а тело его от того и другого источника, т. е. не только от теплоты духовной, но и от природной; первая влияет на вторую, потому что они одна другой соответствуют. В чем состоит соответствие той и другой теплоты, можно видеть это из наблюдений над животными, а именно: из того явления, что любовь их, для которых главное есть воспроизведение породы своей, проявляется и действует по мере присутствия и прилива земного солнечного жара, который велик только в весеннюю и летнюю пору. Весьма ошибочно думают иные, что любовь возбуждается влиянием природного тепла, природное не влияет на духовное, но духовное влияет на природное; это влияние согласно с Божественным порядком, а первое противно ему.

136. У ангелов, равно как и у людей, есть воля и разум. Разум их получает жизнь свою от небесного света, потому что свет небесный есть Божественная истина, а затем Божественная мудрость; воля же их получает жизнь свою от небесной теплоты, потому что теплота

небесная есть Божественное благо и затем Божественная любовь. Самая сущность жизни ангелов получается от этого тепла, а не от света, разве только когда в нем есть и тепло; что жизнь исходит от тепла, это очевидно из того, что за отсутствием его жизнь пропадает. То же самое бывает и с верой без любви или с истиной без блага, потому что истина, называемая истиной веры, есть свет, а благо, называемое благом любви, есть тепло. Это видно еще яснее из сравнения с нашим светом и теплом, коим соответствуют свет и тепло небесные. От здешнего тепла в соединении его со светом все, что есть на земле, оживает и цветет; соединение же это бывает вешней и летней порой; но от света без тепла ничто не оживает и не цветет, напротив, все цепенеет и умирает; отсутствие этого соединения бывает зимой: в эту пору теплоты нет, а свет остается. Вследствие такого соответствия небеса и названы были раем, ибо там истина в союзе с благом или вера с любовью, как и здесь вешней порой свет с теплом. Из этого еще яснее становится вышесказанная истина (см. §§ 13–19), что на небесах Божественное (начало) Господа есть любовь к нему и любовь к ближнему (charitas).

137. У Иоанна сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Все чрез Него на́чало быть, и без Него ничто не на́чало быть, что на́чало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. В мире был, и мир чрез Него на́чал быть. И Слово стало плотью и обитало с нами, …и мы видели славу Его» (Ин 1:1, 3, 4, 10, 14). Ясно, что под именем Слова разумеется Господь, ибо сказано, что Слово стало плотью, но не известно, что особенно разумеется под Словом, и потому следует это сказать: Слово в этом изречении означает Божественную истину, в Господе пребывающую и от Господа исходящую; поэтому она и названа здесь также светом, который, как было уже сказано, есть Божественная истина. А каким образом все было создано и сотворено посредством Божественной истины, это будет теперь объяснено.

На небесах вся сила принадлежит Божественной истине; без этой последней – вовсе нет и первой. Все ангелы называются силами вследствие принятия ими Божественной истины; ею они властны над адом и над теми, кои противятся им; ибо там тысячи врагов не выдерживают и одного луча небесного света, т. е. Божественной истины, а как ангелы становятся ангелами вследствие принятия ими Божественной истины, то все небеса состоят из ангелов, происходят от того же источника. Что так велика сила Божественной истины, этому не верят те, которые не имеют об истине другого понятия, как о мысли или слове, которые сильны по себе, насколько другие, повинуясь им, исполняют их; меж тем как Божественной истине присуща сила по себе и даже столь великая, что ею были созданы небеса и мир и все, что в них есть.

Что такая сила присуща Божественной истине, можно пояснить это двумя сравнениями, а именно: силой истины и блага в человеке и силой света и тепла, исходящих от здешнего солнца. Силою истины и блага в человеке – можно пояснить это так: все, что человек делает, он делает это по разуму и воле; действие воли его проявляется во благе, а действие разума его – в истине, ибо все, принадлежащее воле, относится к благу, а все, принадлежащее разуму, относится к истине. Таким образом, через посредство того и другого человек приводит в движение все свое тело, в котором тысячи вещей приходят в действие по приказанию и желанию вышесказанных начал; из этого ясно, что все тело было сотворено так, чтобы быть в распоряжении блага и истины и, следовательно, чтобы действовать по благу и истине.

Было сказано, что сила истины объясняется еще сравнением ее с силою тепла и света здешнего солнца. Все, что растет на земле (деревья, растения, цветы, травы, плоды и семена), существует только посредством солнечного тепла и света; если же этим началам присуща столь великая производительная сила, то какова же должна быть эта сила в свете Божественном, т. е. в Божественной истине, и в тепле Божественном, т. е. в Божественном благе, коими сотворены не только небеса, но и мир, ибо, как было сказано выше, мир существует вследствие небес. Из этого видно, как понимать, что все было создано Словом, что без него ничего

не было сотворено и что мир стался им же, т. е. это значит, что все было создано Божественной истиной, исходящею от Господа. На этом основании в книге Бытия сперва говорится о свете, а затем о том, что происходит от него (Быт 1:3, 4). Поэтому также все, что ни есть в мире, как на небесах, так и на земле, относится к благу и к истине и к соединению их, без чего не может быть и бытия.

139.[18] Заметим, что Божественное благо и Божественная истина, исходящая на небесах от Господа, как солнца, не находятся в самом Господе, но исходят от него: в самом Господе одна только Божественная любовь, которая есть самая суть (esse), дающая бытие этому благу и истине; получать бытие от сути (existere ab esse) – это то, что разумеется под словом «происходить» (procedere). Это можно пояснить и сравнением с нашим солнцем: тепло и свет земные не находятся в солнце, но исходят от него; в солнце есть только огонь, а от этого огня происходят и существуют начала света и тепла.

140. Так как Господь-солнце есть Божественная любовь и она есть самое Божественное благо, то Божественное начало, исходящее от Господа и составляющее на небесах его Божественность (divinuin in coelo), называется для отличия Божественной истиной, хотя (в сущности) оно есть Божественное благо в соединении с Божественной истиной. Эта Божественная истина есть то, что называется Дух Святой, исходящий от Господа (sanctuin procedens, т. е. святое, исходящее от Господа, начало).

[18] В подлиннике § 138 нет.

О четырех странах света на небесах

141. На небесах, как и на земле, четыре страны света: восток, полдень, запад и север. Как здесь, так и там они определяются по солнцу: на небесах по небесному солнцу, то есть по Господу, а на земле – по земному; но тем не менее разница между теми и другими странами света большая. Первая та, что здесь называют полднем точку наибольшей высоты солнца над землей; севером, когда солнце находится в противоположной стороне, под землей; востоком – место восхода его в равноденствие и западом – место, где оно тогда садится. Таким образом, в мире все страны света определяются полднем. На небесах же востоком называется то место, где Господь является в виде солнца, в противоположной местности находится запад; на правой стороне полдень, а на левой – север; и это постоянно, каким бы образом ангелы ни обращались лицом и телом: таким образом, на небесах все страны света определяются востоком. То место, где Господь является в виде солнца, потому называется восходом, что всякое начало жизни восходит или исходит от него, как от солнца; и еще потому, что насколько ангелы принимают тепло и свет или любовь и разум от самого Господа, настолько, говорят они, Господь восходит в них; поэтому Господь и в Слове назван восходом, или востоком.

142. Другая разница в том, что у ангелов всегда восток впереди, перед лицом (a facie), запад позади, полдень на правой стороне и север на левой; но так как это трудно понять здесь, на земле, где человек обращается лицом во все стороны, то это будет пояснено. Все небеса обращаются к Господу, как к своему общему средоточию, посему и все ангелы обращаются в ту же сторону; известно, что и на земле всякая вещь стремится к общему центру; но направление этого стремления на небесах различается от направления его на земле. Это различие состоит в том, что на небесах обращаются к своему, общему центру передние части, а на земле нижние; это направление называется здесь центростремительной силой и тяготением. У ангелов все внутренние начала их действительно обращены наперед (стремятся вперед); а так как внутренние начала их выражаются на лице, то и страны света определяются в том мире по лицу.

143. Но что у ангелов восток всегда впереди, как бы они ни обращались лицом и телом, это еще труднее понять здесь, где человек, обращаясь куда хочет, может видеть и всякую страну света перед собой, посему и это также должно быть пояснено. Ангелы, подобно человеку, обращаются и наклоняются лицом и телом во все стороны; но тем не менее восток у них всегда перед глазами; это происходит оттого, что у ангелов обращение лица и тела зависит от другого начала, чем у человека. Это обращение хотя и кажется на вид одинаковым, но, в сущности, не одинаково. Начало, от которого оно зависит, есть господствующая любовь, управляющая всяким движением лица и тела у ангелов и у духов; ибо, как было сказано выше, внутреннее начало их действительно обращено к общему своему центру, т. е. к Господу, как солнцу, а так как любовь их постоянно перед их внутренним началом и начало это выражается на лице их, которое есть только внешний его образ, то и господствующая любовь их всегда перед ними, перед лицом их. Следовательно, и сам Господь, как солнце, постоянно находится перед ними, потому что источник их любви в нем самом; а так как он сам присущ в них в своей же любви, то он же делает, что они видят его перед собой, куда бы ни обращались лицом и телом. Это обстоятельство не может быть покуда представлено яснее; но в следующих главах, и в особенности когда будет речь об изображениях и видимостях (de repraesentativis et apparentiis) и также о времени и пространстве на небесах, оно представится в большей ясности. Из многих опытов мне дано было узнать и самому постичь, что ангелы видят Господа постоянно перед собой; сколько я ни был в обществе ангелов, я всегда замечал перед собой присутствие Господа, который хотя и не был видим, но постигался в свете, и ангелы не раз подтверждали мне, что это так. На том основании, что

Господь постоянно перед лицом ангелов, у нас обыкновенно говорят, что верующие в Бога и любящие Его видят Господа перед собой, взирают на него и обращаются к нему; человек выражается таким образом по влиянию на него духовного мира, и много других выражений в речи человеческой происходят от того же источника, хотя сам человек и не знает этого.

144. Это обращение лица и тела к Господу есть одно из небесных чудес. Многие могут быть там в одном месте и обращаться лицом и телом в разные стороны и тем не менее видеть Господа перед собой, имея направо от себя полдень, налево – север, а позади – запад. К числу чудес относится также и следующее: взор ангельский всегда обращен к востоку, но тем не менее ангелы могут видеть и все прочие страны света с той разницей только, что они видят их внутренним зрением своим, принадлежащим мысли их. К числу чудес принадлежит и то, что никогда не дозволено на небесах ни стоять позади другого, ни смотреть ему в затылок, потому что при этом нарушается нисходящее от Господа наитие блага и истины.

145. Ангелы иначе взирают на Господа, чем Господь на ангелов. Ангелы, взирая на Господа, смотрят ему в глаза, Господь же, взирая на ангелов, смотрит им в чело по той причине, что чело соответствует любви и что Господь посредством любви влияет на волю их; а видеть себя дает он им через посредство разума, которому соответствуют глаза.

146. Страны света в небесном царстве Господнем различаются от стран света в его духовном царстве по той причине, что Господь является ангелам небесного царства в виде солнца, а ангелам духовного царства – в виде луны; место его явления восток, расстояние там между солнцем и луной 30 градусов, следовательно, такая же разница и в положении стран света обоих царств. Что небеса различаются на два царства, небесное и духовное, см. главу, где об этом говорится, §§ 20–28; что Господь в небесном царстве является в виде солнца, а в духовном – в виде луны, см. § 118. Тем не менее, однако, страны света на небесах не безразличны, потому что духовные ангелы не могут вознестись к небесным, ни эти последние спуститься к духовным; см. выше, § 35.

147. Из этого видно, что значит присутствие Господа на небесах, т. е. что он всюду и в каждом, во благе в истине, исходящих от него, и что, следовательно, он присущ в ангелах в тех началах, которые принадлежат собственно ему, как уже сказано выше, в § 12. Ангелы постигают присутствие Господа по своему внутреннему началу: оно дает зрение глазам их; таким образом, они видят Господа вне себя, потому что связь между Господом вне их и Господом внутри их – непрерывна; из этого ясно, как следует понимать, что Господь в них, и они в Господе: «Пребудьте во Мне, и Я в вас» (Ин 15:4).

148. Все на небесах размещены различно, смотря по странам света. На востоке и западе обитают живущие во благе любви; на востоке – живущие в светлом постижении этого блага, а на западе – в сравнительно темном; на юге и севере обитают живущие в мудрости этого блага: на юге – живущие в ясном свете этой мудрости, а на севере – в сравнительно темном свете ее. Ангелы духовного царства Господня размещены таким же образом, как и ангелы небесного царства, с разницей, однако, относительно блага любви своей и света истины по благу; потому что любовь в царстве небесном есть любовь к Господу, а свет истины есть мудрость. Любовь же в царстве духовном есть любовь к ближнему, называемая благостыней, а свет истины есть разум, который также называется верой, см. выше, § 23. Ангелы обоих царств различаются еще тем, что страны света, в том и другом царстве, стоят друг от друга на 30 градусов, как было сказано выше, § 146.

149. Таким же образом живут ангелы и между собой, в каждом небесном обществе: на востоке – те, кои находятся в большей степени любви и благостыни; на западе – те, кои в меньшей; на полдне – те, кои в большем свете мудрости и разумения; на севере – те, кои в меньшем. Они живут, таким образом, раздельно, потому что каждое общество изображает собой небеса и само по себе есть небеса в малом виде, см. выше, §§ 51–58; тот же порядок соблюдается и в ангельских сборищах. Они размещаются в этом порядке по образу небес, по

которому каждый знает свое место. Господь даже предусматривает, чтобы в каждом обществе были ангелы всякого рода, с той целью, чтобы небеса относительно образа своего были всюду себе подобны; тем не менее устройство всех небес отличается от устройства одного общества, как целое от части, потому что общества на востоке выше тех, которые на западе, а общества на юге выше тех, которые на севере.

150. Вот почему страны света на небесах означают и качества их жителей, т. е. восток – любовь и благо ее в ясном постижении; запад – то же самое в темном постижении; полдень или юг – мудрость и разумение в ясном свете; север – то же самое в темном свете; а так как страны света на небесах имеют это значение, то они сохраняют его и во внутреннем или духовном смысле. Ибо внутренний, или духовный, смысл Слова совершенно согласен с тем, что существует на небесах.

151. Что касается живущих в аду, то положение их обратное. Они не обращают взоров своих к Господу, как к солнцу или луне, но в противоположную от него сторону, к чему-то темному, заменяющему им земное солнце наше, и к чему-то мрачному, заменяющему им земную луну нашу; называющиеся гениями обращаются к первому, а называющиеся духами – к последнему. Что земное солнце и луна не видимы в духовном мире, но что вместо этого солнца видно что-то темное, противоположное небесному солнцу, и что вместо нашей луны – что-то мрачное, противоположное небесной луне, это было сказано выше, § 122. Таким образом, страны света для живущих в аду, противоположны странам света на небесах. Восток для них в том месте, где находится это нечто темное и мрачное, а запад – в том месте, где небесное солнце; полдень для них на правой стороне, а север на левой; и это постоянно, каким бы образом они ни обращались телом своим. И не может быть это иначе, потому что всякое направление их внутренних (начал), а вследствие того и всякое движение тела их клонится и стремится в ту сторону; что направление внутренних начал и затем самого тела у всех жителей того мира зависит от любви, см. § 143; а что любовь у живущих в аду есть любовь к себе и любовь к миру и что эти оба вида любви соответствуют поклонению земному солнцу и луне, см. § 122. Сверх того, эти виды любви противоположны любви к Господу и любви к ближнему, а потому жители ада и обращаются к этим темным предметам в противоположную от Господа сторону. Они даже и обитают по своим странам света: от востока своего и до запада живут преданные злу, по любви к себе, а от полдня своего и до севера обитают живущие во лжи по злу; но об этом будет сказано пространнее в отделе об аде.

152. Когда какой-нибудь злой дух приходит к добрым, то страны света так перемешиваются, что добрые духи едва знают, где их восток; несколько раз я замечал это сам и также слышал от духов, которые жаловались на это.

153. Злые духи, кажется, иногда будто обращаются к небесным странам света, и тогда они одарены разумом и постижением истины; но в них нет никакого расположения (affectio) к добру, вследствие чего как только они обращаются опять к своим странам, в них нет больше никакого разумения и постижения истины, и они тогда говорят, что истины, ими недавно слышанные и понятые, не истины, а ложь; они даже хотят, чтобы их ложь признали за истину. Относительно этой способности оборачиваться я узнал, что у злых духов разум их может таким образом обращаться, но не воля; и что это устроено Господом с той целью, чтобы каждый мог видеть и познавать истину; но что никто не принижает ее, не живя сам во благе, ибо истину принижает благо, а никоим образом зло. Затем я узнал, что то же самое бывает и с человеком с той целью, чтобы он мог исправляться посредством истины; но что тем не менее человек исправляется ею только в той мере, насколько он сам живет во благе. Вследствие этого человек может таким же образом обращаться к Господу; но если он живет во зле, то немедленно обращается вспять и утверждается во лжи своего зла, в противность истинам,

которые недавно понимал и видел; это делается, когда он думает в себе, по своему внутреннему состоянию.

Об изменениях внутреннего состояния ангелов на небесах

154. Под изменениями состояния ангелов разумеются изменения в них относительно любви и веры, а затем мудрости и разумения, следовательно, относительно состояний их жизни и того, что относится к ней; а так как жизнь ангельская есть жизнь любви и веры, а затем мудрости и разумения, то и состояния их относятся к тому же и называются состояниями любви и веры и состояниями мудрости и разумения. Теперь будет сказано, каким образом эти состояния (status) меняются у ангелов.

155. Ангелы не находятся постоянно в одном и том же состоянии относительно любви и, следовательно, в одном и том же состоянии относительно мудрости, ибо всякая мудрость их происходит от любви и согласна с ней. Иногда они находятся в состоянии горячей любви, а иногда в состоянии любви не столь сильной, оно убывает постепенно, от высшей степени до низшей. Когда ангелы в самом высшем настроении любви, тогда они находятся во свете и тепле своей жизни или в состоянии ясности и удовольствия; когда же они находятся в наименьшей степени любви, тогда они в тени и в холоде или в состоянии тьмы и неудовольствия; от последнего состояния они опять возвращаются к первому и т. д. Эти изменения, хотя и следуют одно за другим, но с разнообразием; они чередуются, как перемены света и тьмы, тепла и холода, или как ежедневно в мире – утро, полдень, вечер и ночь, с постоянным разнообразием в продолжение года. Эти времена соответствуют: утро – ясному состоянию любви ангельской; полдень – ясному состоянию мудрости их; вечер – темному состоянию их мудрости; а ночь – состоянию без любви и мудрости; однако нужно заметить, что у небесных жителей нет таких состояний, которые бы соответствовали ночи, но только некоторые состояния, соответствующие заре, предшествующей утру; соответствие ночи принадлежит живущим в аду. Вследствие этого соответствия день и год в Слове Божьем означают вообще состояния жизни: тепло и свет – любовь и мудрость; утро – первую и высшую степень любви; полдень – мудрость в своем свете; вечер – мудрость в тени; заря – сумерки, предшествующие утру; а ночь – совершенное отсутствие любви и мудрости.

156. Вместе с состоянием внутренних начал, принадлежащих любви и мудрости ангельской, меняются и состояния различных предметов, находящихся вне их и представляющихся их зрению, потому что предметы, находящиеся вне их, принимают видимость, смотря по внутреннему состоянию самих ангелов; но в чем состоят эти внешние предметы, будет сказано в последующих главах об изображениях и видимостях на небесах.

157. Каждый ангел подвергается тем же переменам состояний, как и каждое общество вообще; но в каждом обществе каждый ангел – другим, потому что все ангелы различны между собой по любви и мудрости: так, живущие в середине находятся в более совершенном состоянии, чем те, которые занимают окружность до самых пределов ее, см. выше, §§ 23 и 128. Определять эти различия в переходе состояний было бы слишком пространно; достаточно сказать, что состояния каждого меняются по качеству его любви и веры; вследствие чего иной находится в своем светлом состоянии, когда другой в темном и нерадостном; и это в том же обществе и в то же самое время. Такие различия состояний встречаются и между одним обществом и другим, и между обществами небесного царства и обществами духовного царства. Вообще, изменения во внутреннем состоянии ангелов подобны разности времен дня в различных климатах земли, где в одном месте утро, когда в другом вечер, или у одних тепло, когда у других холод, и наоборот.

158. Мне дано было на небесах узнать, откуда происходят эти изменения состояний. Ангелы сказали мне, что этому несколько причин: первая та, что радости жизни и небесные удовольствия, которыми они наслаждаются по любви и мудрости, исходящим от Господа,

стали бы постепенно ослабевать, если б они постоянно находились в них; что и случается с теми, которые постоянно предаются однообразным удовольствиям и наслаждениям. Вторая причина та, что ангел, точно так же как и человек, неразлучен от соби (proprium) и что в этой соби коренится любовь к самому себе; все живущие на небесах воздерживаются отэтой соби, и насколько они Господом воздерживаются от нее, настолько они предаются любви и мудрости; а насколько не удерживаются, настолько предаются любви к самому себе; а так как всякий любит свою собь и влечется к ней, то состояния их и подвергаются таким изменениям. Третья причина та, что ангелы таким образом усовершенствуются, потому что это приучает их жить в любви к Господу и воздерживаться от любви к себе; и потому также, что чередование удовольствия с неудовольствием изощряет в них постижение и сознание блага. К этому ангел прибавил, что не Господь производит в них эти перемены состояния, потому что Господь, как солнце, всегда наитствует теплом и светом, т. е. любовью и мудростью, но что сами ангелы тому причиной, потому что они любят свою собь и постоянно ею увлекаются. Они поясняли это сравнением с нашим Солнцем: не оно причиной ежегодных и ежедневных перемен в состоянии тепла и холода, света и тьмы, ибо солнце стоит неподвижно, но причиной тому движение самой Земли.

159. Мне было показано, каким образом Господь, как солнце, является ангелам небесного царства в их первом состоянии, во втором и третьем. Сперва увидел я Господа как солнце, исполненное столь великолепного блеска и сияния, что этого невозможно описать. Мне было сказано, что в этом виде Господь-солнце является ангелам в их первом состоянии. Потом я увидел около солнца большой темный пояс, от которого первоначальный блеск и сияние, придававшие ему столько великолепия, стали ослабевать; мне было сказано, что в таком виде солнце является ангелам в их втором состоянии. Затем пояс этот стал еще темнее, вследствие чего и самый блеск солнечный еще уменьшился. Это изменение совершалось постепенно, покуда солнце не сделалось совершенно белым, и мне было сказано, что в таком виде солнце является ангелам в их третьем состоянии. Потом я увидел, как это белое солнце подвинулось влево к небесной луне и слилось с ее светом, вследствие чего она необычайно засияла, мне было сказано, что это четвертое состояние для находящихся в небесном царстве и первое – для находящихся в духовном, что таким-то образом чередуются изменения состояний в обоих царствах; не в целом царстве, однако, а постепенно, в каждом его обществе; и что эти смены не определены, а приходят раньше или позже, без ведома ангелов. Кроме того, они мне сказали, что само солнце так не меняется и не двигается с места на место, но что это так кажется вследствие последовательных перемен в состоянии самих ангелов, ибо Господь является каждому из них, смотря по его состоянию: огненного блеска, когда они в наибольшей любви, менее огненным и, наконец, белым, когда любовь их убывает; а что качество их состояния изображается тем темным поясом, от которого происходили в солнце кажущиеся изменения пламени и света.

160. Когда ангелы в низшем состоянии своем, т. е. когда они в соби своей, то им становится грустно; я говаривал с ними, когда они были в этом состоянии, и видел их печаль; но они мне отвечали, что надеются в скором времени возвратиться в прежнее состояние и, таким образом, как бы снова быть на небесах, ибо небеса для них есть воздержание от соби.

161. В аду также бывают перемены в состояниях, но об этом будет говорено ниже, в отделе об аде.

О времени на небесах

162. Хотя на небесах все идет и движется точно так же последовательно, как и на земле, тем не менее у ангелов нет ни понятия, ни мысли о времени и пространстве; и до того они лишены этих понятий, что они вовсе не знают, что такое время и пространство. О времени на небесах будет говорено теперь, а ниже, в другой главе, – о пространстве.

163. Если ангелы не знают, что такое время, хотя у них все идет последовательно одно за другим, точно так же, как и на земле, и даже без всякой разницы, то это происходит оттого, что на небесах нет годов и дней, а вместо них изменения состояний; где годы и дни, там и времена, а где вместо них изменения состояний, там одни состояния.

164. Время для нас существует, потому что Солнце, двигаясь, по-видимому, от одного градуса зодиака к другому, образует так называемые времена года; а обходя, по-видимому, Землю, образует так называемые времена дня; и те и другие в определенные сроки. Небесное же солнце поступательным движением своим и кругообращением не образует годов и дней, а в определенные сроки кажущиеся изменения в состояниях, о чем см. выше. Вот почему у ангелов нет никакого понятия о времени, а только о состоянии; что такое состояние, смотри выше, § 154.

165. Так как ангелы не имеют того понятия о времени, как люди на земле, то у них нет вовсе и мысли о времени и о том, что относится к нему; они не знают свойственных ему разделений на годы, месяцы, недели, часы, ни даже что такое завтра, сегодня, вчера. Когда ангелы слышат об этом от человека (к которому на земле всегда присоединяются от Господа несколько ангелов), тогда вместо этих названий они понимают состояние и все относящееся к нему: таким образом природная мысль человека обращается у ангела в духовную. На этом основании время и все, что к нему относится, означает в Слове Божием состояния и различные по соответствию духовные понятия.

166. Точно так и все то, что происходит от времени, как то: времена года, называемые весной, летом, осенью и зимой; времена дня, называемые утром, полднем, вечером и ночью; возрасты человека, называемые детством, юношеством, мужеством и старостью; и вообще все то, что или зависит от времени, или по порядку его следует одно за другим. Когда человек думает о таких предметах, он думает по времени, ангел же – по состоянию; поэтому все, что в подобных мыслях человека относится ко времени, обращается у ангела в понятие о состоянии. Весна и утро обращаются в понятия о состоянии любви и мудрости, свойственных ангелам в первом их состоянии; лето и полдень обращаются в понятия о любви и мудрости ангелов во втором их состоянии; осень и вечер – в понятия о том же в третьем состоянии ангельском; зима же и ночь – в понятия о состоянии, существующем в аду; вот почему времена в Слове имеют подобные значения, см. выше, § 155. Из этого ясно, каким образом природные понятия человека становятся духовными у ангелов, находящихся при нем.

167. Так как ангелы не имеют никакого понятия о времени, то они и о вечности иного понятия, чем люди на земле; ангелы постигают вечность, как бесконечное состояние, а не как бесконечное время. Я однажды думал о вечности и мыслью о времени мог постичь, что значит: вовеки, в вечность, т. е. что это значит – не иметь конца; но не мог постичь, что значит: от века, от вечности, ни, следовательно, того, что делал Бог от вечности до создания; находясь посему в тоске, я был вознесен в небесную сферу и в то состояние постижения вечности, в котором находятся ангелы. Тогда мне стало ясно, что о вечности не следует думать по времени, а по состоянию и что тогда только можно постичь, что значит от вечности; как это и было со мной.

168. Ангелы, беседуя с человеком, никогда не говорят с ним посредством свойственных ему природных понятий, которые все заимствованы от времени, пространства, веще-

ственности и тому подобного, а посредством понятий духовных, которые все основаны на состояниях и на их различных изменениях внутри и вне ангелов. Тем не менее, когда духовная мысль ангельским наитием сходит на человека, она мгновенно и сама собой обращается в свойственную человеку природную мысль, вполне соответствующую духовной; что это таким образом делается, того не знает ни ангел, ни человек; но таково вообще всякое небесное наитие на человека.

Некоторые ангелы были допущены до моих мыслей ближе обыкновенного, и даже до природных мыслей моих, в которых многое было основано на времени и пространстве; но так как они тут ничего не поняли, они тотчас отошли; и после того я слышал, как они, беседуя, говорили, что были в потемках. Мне дано было узнать по опыту, до чего доходит незнание ангельское относительно времени: один из небесных ангелов был таков, что мог входить не только в духовные, но и в природные, человеку свойственные мысли; вследствие чего я и мог говорить с ним, как человек с человеком.

Сперва он не понимал, что такое я называл временем, так что я должен был объяснить ему, каким образом Солнце, по-видимому, обходит нашу Землю и образует годы и дни, и что вследствие того годы разделяются на четыре времени, на месяцы и недели, а день – на 24 часа; что эти времена возвращаются в установленные сроки и что таково происхождение времени. Выслушав это, он весьма удивился, говоря, что он этого не знал, а знал только состояние. Разговаривая с ним, я, между прочим, сказал ему, что на земле известно, что на небесах нет времени или, по крайней мере, что люди говорят об этом, как бы зная это; ибо они про умирающего говорят, что он покидает все временное, или отрешается от времени, и через это разумеют отшествие его от мира. Я сказал также, что некоторые люди знают, что время по началу своему есть состояние, потому что оно вполне зависит от состояния любви, в котором находишься. Оно коротко для тех, которые в состоянии удовольствия и радости, продолжительно для тех, которые в неудовольствии и печали, и переменчиво для человека в состоянии надежды и ожидания; что вследствие того ученые рассуждают о том, что такое время и пространство, и даже некоторые из них знают, что время существует только для природного человека.

169. Природный человек думает, что он лишится всякой мысли, если у него отнять понятие о времени, пространстве и о всем вещественном, потому что на этом основаны все мысли его; но да будет ему известно, что мысли его настолько же конечны и узки, насколько они зависят от времени, пространства и всего вещественного. И напротив, тем более бесконечны и широки, чем менее они зависят от этих условий, ибо в той же мере ум возвышается над плотским и мирским, вот откуда происходит и ангельская мудрость, которая такова, что ее называют непостижимой, ибо она не доступна мысли, основанной на подобных понятиях.

О предметах, изображаемых и видимых на небесах (de representativis et apparentiis)

170. Человек, мыслящий по одному природному свету, не может понять, чтобы на небесах было что-нибудь подобное земному; потому что по природному свету он думал и утвердился в том понятии, что ангелы одни только умы (mentes), подобные легкому дуновению, и что, следовательно, у них нет тех (внешних) чувств, коими одарен человек, ни, следовательно, глаз, а если нет глаз, то нет и видимых для них предметов. Между тем как на деле у ангелов все те же чувства, как и у человека, и даже несравненно более совершенные, так что и свет, при котором они видят, гораздо ярче света, при котором видит человек. Что ангел есть человек в совершеннейшем образе и обладает всеми чувствами, см. выше, §§ 73–77; а что свет небесный намного ярче земного, см. §§ 126–132.

171. Нельзя описать в нескольких словах, в чем состоят предметы, видимые ангелами на небесах; они большей частью подобны тем же, которые и на земле, но только совершеннее по образу и многочисленнее по количеству. О существовании таких предметов на небесах можно заключить из того, что видели пророки, например, из показанного Иезекиилю о новом храме и новой земле (Иез 40–48); также Даниилу (Дан 7—12); Иоанну, от первой и до последней главы Откровения; и другим, о коих говорится в исторических и пророческих книгах Слова. Они видели эти вещи, когда им были отверзнуты небеса, а небеса, так сказать, отверзаются, когда отверзнуто внутреннее зрение человека, т. е. его духовное зрение; ибо то, что на небесах, не может быть узрено телесными глазами человека, но глазами его духа. По соизволению Господа они открываются, когда человек отрешается от природного света, в котором он находится по телесным чувствам своим, и когда возносится в свет духовный, в котором он находится по своему духу. В этом самом свете я и видел все, что есть на небесах.

172. Но хотя все предметы, видимые на небесах, большей частью подобны земным, тем не менее, однако, они не подобны им в сущности своей, потому что небесные предметы получают бытие свое от небесного солнца, а земные – от земного; первые называются духовными, а вторые – природными.

173. Все, что есть на небесах, получает бытие свое не таким образом, как то, что на земле. На небесах все существует от Господа по соответствию с внутренними началами ангелов, ибо у ангелов есть и внутренние и внешние начала. Все, принадлежащее их внутренним началам, относится к любви и вере, следовательно, к воле и разуму, ибо воля и разум преемники любви и веры; внешние же начала их соответствуют внутренним, см. §§ 87—115. Это можно пояснить тем, что было сказано выше о тепле и свете на небесах, т. е. что ангелы наслаждаются теплом по качеству любви своей, а светом – по качеству мудрости, см. §§ 128–134. Точно так и относительно всего прочего, подлежащего внешним чувствам ангельским.

174. Когда мне случалось быть в обществе ангелов, я видел все, что есть на небесах, совершенно так же, как и то, что на земле; и до того осязательно, что я был вполне убежден, что нахожусь на земле, и притом в каком-нибудь царском дворце; и я говорил с ангелами обо всем виденном мною совершенно так, как человек с человеком.

175. Все предметы на небесах, соответствующие чему-либо внутреннему, вместе с тем изображают это понятие, вследствие чего они и называются изображениями (или прообразами, representativa); а так как они изменяются, смотря по изменению внутреннего состояния в ангелах, то изображения эти также называются видимостями (apparentiae), хотя, в сущности, все, видимое ангелами на небесах и постигаемое внешними чувствами их, видится и постигается ими точно так же живо, как и все, видимое человеком на земле, и даже гораздо яснее, отчетливее и осязательнее. Такого рода видимость на небесах называется действительной, настоящей (realis), потому что она действительно существует; есть также види-

мость ненастоящая, недействительная: к ней относятся предметы, которые хотя и видимы для глаз, но не соответствуют чему-либо внутреннему; впрочем, об этом будет говорено ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.